

ОШО

ПЕРЕДАЧА ЛАМПЫ

Путь мистика

Бхагаван Раджниш (Ошо)

Передача лампы

ИГ "Весь"

УДК 159.9
ББК 86.39

Раджниш (Ошо) Б. Ш.

Передача лампы / Б. Ш. Раджниш (Ошо) — ИГ "Весь", — (Путь мистика)

ISBN 978-5-9573-1858-3

Перед вами одна из самых главных, знаковых книг Ошо. «Передача лампы» — это серия бесед, проведенных Ошо в 1986 году в Уругвае, в один из сложнейших периодов его жизни. В этой книге великий мистик отвечает на вопросы саньясинов, путешествующих с ним по всему миру. Они обсуждают разные темы: беседуют о политике, религии, отношениях между людьми, духовной жизни человека. Ошо говорит о техниках духовного роста, о связи сновидений и медитации, об энергии любви и секса, а также рассказывает множество историй из своей жизни — таинственных, поучительных и мудрых. Философские слова неопределенные, невыразительные, громоздкие — много шума из ничего. Поэтому не думайте над словами, учитесь читать между слов — читать в своем сердце. «Передача лампы» — это особая передача, существующая вне написанного, не зависящая от букв (ОШО).

УДК 159.9
ББК 86.39

ISBN 978-5-9573-1858-3

© Раджниш (Ошо) Б. Ш.
© ИГ "Весь"

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ошо

Передача лампы

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, **www.osho.com**

Глава 1

Животные посмеялись бы

Ошо, вместе с моим союзником, медитацией, я убираю скелеты из шкафа.

Вместе с моим союзником, доверием, я захожу в темный подвал и выметаю древнюю пыль.

Вместе с моим союзником, сердцем, я открываю все окна и выпускаю несущие свежесть ветра.

Вместе с моим союзником, осознанностью, я зажигаю свечи во всех комнатах. На кухне мой союзник, терпение, готовит чай.

В саду я сажусь с моим союзником, мастером, и ожидаю в тишине, ибо я знаю – гость скоро будет здесь.

Ошо, когда зазвонит колокольчик, буду ли я там, чтобы откликнуться?

Гость приходит всегда; его приход неизбежен. И колокольчик зазвонит. И дверь всегда открыта – непременно.

Но в тот момент, когда вы откроете дверь, вас не будет здесь. Существование есть, существо есть, но вас нет. Того, что вы знали о себе до сих пор, больше нет, а тому, что есть, невозможно дать название, невозможно дать определение. Это все и вся... Это сама сущность существования.

Вас не будет здесь в том виде, как вы себе это представляете.

Если вы здесь, гость не сможет войти.

На самом деле, гость сможет прийти только тогда, когда становится ясно, что вы готовы исчезнуть. Ваше исчезновение – это появление того, что вы все это время искали. Это парадокс: когда искомое найдено, ищущий исчезает.

Есть слова Иисуса, в некотором смысле существенные, но по самой своей сути ошибочные. Он сказал: «Ищите да обрящете», – короткая сентенция; «Ищите да обрящете» – и каждое слово в ней ошибочно, потому что, пока поиск продолжается, присутствует желание, присутствует стремление. Поиск должен прекратиться, исчезнуть. «Ищите да обрящете». Вы не можете найти его; оно найдется, но вы не можете быть нашедшим.

То же самое касается и последующих изречений. Они очень красивы, очень поэтичны: «Просите, и дано вам будет», – но каждое слово в них ошибочно. Пока вы не перестанете просить, вам ничего не воздастся. Просите, и вы продолжите упускать; перестаньте просить, и желаемое перед вами. Оно всегда было здесь – вы не могли увидеть его, потому что ваши глаза были полны мольбы. «Просите, и дано вам будет», снова *вам*? Вам невозможно; *вы* барьер, *вы* препятствие. Вы должны раствориться в целом, как капля росы исчезает в океане.

Третья сентенция не менее прекрасна: «Стучите, и вам откроются двери». Но все слова ошибочны. Вам не надо стучать; даже такое незначительное усилие с вашей стороны не позволит быть тотально расслабленным. Дверь не закрыта, поэтому нет необходимости стучать. Если вы стучите, то, скорее всего, перед вами стена, перед вами не дверь. Врата божественного всегда открыты, а вы продолжаете стучать тут и там.

«Стучите, и вам откроют». Кто же там находится, чтобы открыть? Бога там нет; что там Бог, видимо, подразумевает высказывание Иисуса. Но там нет никого, кто бы открыл ее, в частности вам. Если вас нет, внезапно вы обнаруживаете, что стоите у двери. И дверь открыта; она всегда была открыта, чтобы вы не пришли и не нашли ее закрытой.

Существование бесконечно сострадательно. Двери не могут быть закрыты: вас всегда ждут. Но помните: когда вы приблизитесь к двери, снимите ваши туфли и вместе с этими

туфлями оставьте ваши представления о себе. Войдите невинным, как младенец, без всякого имени.

Эти три изречения прекрасны, одни из лучших в Новом Завете. Но, если посмотреть сквозь призму просветления, поэзия неуместна; она остается в реальности.

Все правильно, только *вы* сами неправильны. И все усилия должны быть направлены на то, чтобы достичь такого состояния существа, в котором вы сможете сказать: «Меня нет». По логике, вы не можете сказать: «Меня нет», – кто в этом случае говорит? Но экзистенциально вы можете осознать. Бывают мгновения, когда вас нет, и все же вы есть. Прекрасный закат, небо, полное звезд... на миг вы забываете, что вы есть, хотя вы *есть*, но тотально другой – чистый, новый, возрожденный.

Ошо, я постоянно критикую себя и сужу других людей. Из-за этого я чувствую себя разъединенным и напряженным и не могу установить настоящий контакт с людьми и природой. Я хочу открыть свое сердце, но не знаю, как это сделать. Пожалуйста, подскажи что-нибудь.

Все наше образование настолько уродливо, все наше воспитание настолько неправильно, что отнимает у вас всякую возможность внутреннего роста и наделяет вас глупыми представлениями, не имеющими никакого отношения к вашей радости, вашему пониманию, вашей зрелости.

Каждому ребенку тысячами разных способов внушают, чтобы он критиковал себя, так что это не только ваша проблема. Ему постоянно говорят, что он неправ во всем. Мало-помалу он заражается болезнью самокритики. А человек, критикующий себя, не может прощать другим. Как он может простить? За то же самое он критикует и других. Вся его жизнь становится осуждением – осуждением себя, осуждением других. И тогда любовь невозможна, дружба невозможна, и он страдает. Его критика настолько абсурдна.

Маленький мальчик вбежал в дом и кинулся к матери: «Боже мой! Я спасся только Божьей милостью! Лев преследовал меня всю дорогу от школы до дома. Он снаружи».

Мать воскликнула: «Сколько миллионов раз я тебя просила не преувеличивать?» Она говорит: «Сколько миллионов раз я тебя просила не преувеличивать? Где ты нашел тут льва?»

Мальчик ответил: «Возможно, со страха она мне показалась очень большой... но это на самом деле очень опасная собака!»

Мать сказала: «Теперь, я вижу, ты приходишь в себя. Если бы это была опасная собака, тебя бы здесь не было».

Ребенок ответил: «Да. На самом деле, это маленькая собачка...» Но добавил: «Я преувеличил, это нехорошо. А ты? Ты сказала: „Сколько миллионов раз я просила тебя...“»

Я остановился в Калькутте, в доме друга, откуда собирался поехать на конференцию. Мы сидели в машине и ждали его жену. Друг посигналил. Очень сердитая, она подошла к окну и крикнула: «Я говорила тебе тысячу раз, что выйду через минуту!»

Я сказал другу: «Это какое-то чудо! Она говорила тебе тысячу раз, что выйдет через минуту. Но за одну минуту человек не может сказать это тысячу раз. И теперь она снова исчезла в ванной».

Друг ответил: «Ты не представляешь, как она преувеличивает. И я тоже заразился этой болезнью. Время от времени я внезапно осознаю, что преувеличиваю совсем как моя жена...»

Родители сами делают все то, за что критикуют ребенка. А он наблюдает, и его наблюдательность гораздо более ясная. Его ум постоянно развивается; он видит, что в той ситуации, когда он неправ, родители правы. Они смотрят телевизор до поздней ночи – они правы, а он должен идти спать в девять часов. Постепенно он привыкает к такому несоответствию и начинает переживать: «Почему-то я неправ. Что я ни сделаю, все не так».

Однажды я спросил своего отца: «Скажешь ли ты мне когда-нибудь, в один прекрасный день, хоть раз: „То, что ты делаешь, правильно“? Ты не понимаешь, что невозможно делать все неправильно двадцать четыре часа в сутки триста шестьдесят пять дней в году... Все неправильно? Если это так, то я постоянно совершаю что-то необыкновенное. Сделай исключение, скажи мне хоть раз: „То, что ты делаешь, правильно“».

Он был потрясен, потому что понял, о чем я говорил: это невозможно, чтобы я делал все неправильно.

Но родители наслаждаются таким положением, потому что оно приносит удовлетворение: это жажда власти. Когда вы говорите кому-то: «Нет», когда вы говорите кому-то: «Ты неправ», вы чувствуете себя значительным. Это подпитывает ваше эго, и это подпитывает эго каждого – учителей, соседей. Куда бы ни направился ребенок, все реализуют свою жажду власти, и ребенок подавлен.

Когда столько людей говорят, что он неправ, естественно, ему приходится в это поверить.

Но помните: в ответ он сам начинает судить других. Когда все вокруг осуждают его, нет причины, по которой он не должен судить других. Вы учите его судить, судить всех, и как можно больше судить отрицательно. Так он начинает осуждать других за то, что они неправы.

Таков наш мир, где каждый осуждает себя и осуждает всех вокруг. Как вы можете быть любящим, дружелюбным, доверчивым? Как вы можете открыть свое сердце? Вы будете замкнутым, вы будете полностью закрытым, вы будете жить в мире, который вы будете осуждать, и мир будет осуждать вас.

Это не лучшая ситуация, но вы должны понять: вопрос «Как мне открыть сердце?» – не тот вопрос. Настоящий вопрос – как вам удалось закрыть его.

Перестаньте судить.

Что бы вы ни делали, если вам нравится это делать, делайте. Здесь не стоит вопрос осуждения; никто не имеет права говорить: то, что вы делаете, неправильно. Если вам нравится это, вы никому не вредите, вы никого не беспокоите... Но это странный мир.

С детства я всегда любил просто молча сидеть в углу. И кто бы ни проходил мимо, обязательно спрашивал: «Что ты делаешь?»

Я отвечал: «Ничего».

И каждый говорил: «Это нехорошо».

Я отвечал: «Странно, я ничего не делаю, не причиняю никому вреда, просто сижу молча в углу, а вы говорите: „Это неправильно“. Мне кажется, это просто вошло у вас в привычку – осуждать, критиковать. Но мне нравится здесь сидеть и ничего не делать, и я продолжу этим заниматься, несмотря на ваше осуждение. Я не просил вашего совета, а давать непрошенный совет неразумно».

Медленно-медленно человеку необходимо вникнуть, прояснить для себя: пока я не посягаю ни на чьи права, если я делаю то, что мне нравится, и не вижу в этом ничего предосудительного – я не позволю никому себя осуждать, потому что это вопрос не только данного действия, это вопрос всей моей жизни. Вы учите меня очень коварной болезни осуждения. А если я осуждаю себя, как же я могу оставить других неосужденными?

Говорят, что Мулла Насреддин приходил к себе домой, и каждый день его ждали неприятности. Жена подозревала (как и все жены), что у него роман с другой женщиной, потому что, выходя из дома, он выглядел таким счастливым и уходил так быстро; по возвращении же домой он был печален. Конечно, было что-то за пределами дома, что влекло его. И, когда он вешал свое пальто на вешалку, она осматривала его пальто, осматривала его рубашку в поисках какого-нибудь волоса или еще чего-нибудь, чтобы найти доказательства того, что он был с другой женщиной.

Однажды – она искала семь дней и не смогла найти ни единого волоска – на седьмой день она разрыдалась, причитая: «Это уже слишком. Теперь ты встречаешься с лысой женщиной!»

Надо сказать, что очень сложно встретить лысую женщину – почти невозможно. Я видел только одну женщину, наполовину облысевшую, и то не лысую. Но за семь дней ни волоска? Вывод очевиден: он пал так низко, что теперь встречается с лысой женщиной. «Неужели ты не можешь найти женщину с волосами?»

Если муж молчит, жена злится. Если он читает газету, жена злится; она выхватит газету и скажет: «Я здесь, а ты читаешь газету, как будто меня не существует».

Каждый так несчастен, что хочет где-то найти хоть какую-то причину, чтобы объяснить себе, почему он несчастен, почему она несчастна. И общество предложило хороший выход – судить.

Сначала, естественно, вы всячески судите себя. Никто не совершенен, и никто никогда не сможет быть совершенным: совершенства не существует, поэтому судить очень легко. Вы несовершенны, существуют и показатели вашего несовершенства. Вы злитесь, злитесь на себя, злитесь на весь мир: «Почему я не совершенный?»

Вами овладевает одно-единственное желание – найти несовершенство во всех. И после этого вы хотите открыть сердце? Естественно, пока вы не откроете сердце, в вашей жизни не будет празднования; ваша жизнь почти мертва. Но вы не можете сделать это немедленно; вам предстоит искоренить все ваше воспитание с самого основания.

И самое первое – перестаньте судить себя. Вместо осуждения начните принимать себя со всеми своими несовершенствами, всеми своими слабостями, всеми своими ошибками, всеми своими неудачами. Не требуйте от себя быть совершенным. Это все равно что требовать чего-то невозможного и после этого чувствовать себя бессильным. В конце концов, вы просто человек.

Посмотрите на животных, на птиц; никто не волнуется, никто не печалится, никто не разочаровывается. Вы никогда не увидите, чтобы буйвол терял самообладание. Он вполне удовлетворен, пережевывая одну и ту же траву каждый день. Он почти просветленный. Напряжения нет; есть только потрясающая гармония с природой, с собой, со всем сущим. Буйволы не создают партии для переустройства мира, для превращения буйволов в супербуйволов, для превращения буйволов в религиозных и добродетельных. Ни одно животное не трогает человеческие помыслы.

Должно быть, они все посмеялись бы: «Что с тобой случилось? Почему ты не можешь быть просто собой, как ты есть? Зачем быть кем-то еще?»

Итак, первое – это глубокое принятие себя.

Учителя постоянно спрашивали меня: «Неужели ты не понимаешь, что ты непослушный?»

Я отвечал: «Я всем доволен. Я такой и не хочу быть кем-то другим».

Они говорили: «Это странно, потому что ты должен чувствовать себя виноватым из-за того, что ты делаешь».

Я спрашивал: «Виноватым в чем?»

Один из моих учителей постоянно говорил о бесстрашии – что он бесстрашный человек и что он может пойти самой темной ночью в самый густой лес. Слушая его снова и снова, я сказал: «Я сомневаюсь – ты так много говоришь о своем бесстрашии. Что это за бесстрашие – пойти темной ночью в густой лес? Здесь особой смелости не требуется. Я подозреваю, что ты настоящий трус».

Он очень разозлился и сказал: «Ты должен это доказать».

Я ответил: «Я докажу это. Если я говорю, это значит, что я докажу». И я заметил, как он начал потеть.

Этой же ночью я доказал это. Он жил в маленьком домике, покрытом глиняной черепицей, – я знал, где он спал, – я влез на крышу, отодвинул одну черепицу и бросил в комнату

резиновую змею, привязанную на веревке. Я медленно-медленно опускал змею, пока она не коснулась его лица.

Раз или два он отмахивался от нее, но змея возвращалась снова и снова. Потом он открыл глаза, полусонный, среди ночи... и только длинная змея и его лицо... и он закричал. Я никогда не слышал такого крика; это был настоящий первобытный крик. Я вытащил змею и убежал.

На следующий день он зашел в класс, но его коленки все еще тряслись; страх перед змеей отражался на лице... Он начал урок, но я прервал его:

– Сначала о главном.

– О чем ты говоришь? – спросил меня учитель.

– Как насчет прошлой ночи? Ты хотел, чтобы тебе кое-что доказали...

– Так это твоих рук дело?

– Это не моих рук дело, я просто наблюдал за тем, что змея делала с тобой.

– Ты был там?

– Я в курсе всей этой истории, ты не сможешь скрыть ее. Я даже знаю, что твой крик разбудил всех соседей, все знают об этом.

– Но, – сказал учитель, – ты говоришь об этом так уверенно из-за того, что они слышали крик, но когда все вошли, змеи уже не было. Мы увидели, что одна плитка черепицы была сдвинута, так что змея, должно быть, уползла.

– Ты прав: это именно то место, откуда она появилась и куда исчезла. И если тебе действительно нужны доказательства... – Я вынул змею из рюкзака и показал ему. – Ты такой бесстрашный человек, а это всего лишь резиновая змея. Она всего лишь коснулась твоего лица – два или три раза, немного – а ты издал такой крик. Я не ожидал, что она так сильно напугает тебя.

Ему было так стыдно, что тем же вечером он отказался от должности и покинул город, потому что все спрашивали: «Что случилось со змеей? Она была настоящей? А мне сказали, что это была резиновая змея и что какой-то мальчик из твоего класса принял твой вызов». Весь город говорил об этом, и это было настолько невыносимо, что он уехал.

Мы встретились десять лет спустя на железнодорожной станции. Он попытался сделать вид, что не узнал меня. Я сказал: «Не делай вид, что ты не узнаешь меня, потому что в моем рюкзаке все еще лежит та змея. Я искал тебя десять лет. Я носил ее с собой. Где ты был все эти десять лет?»

Он сказал: «Говори тише. Не говори так громко, потому что в этом маленьком городке я стал учителем и не хочу, чтобы здесь узнали об этой истории. А зачем ты приехал сюда?»

Я ответил: «Я приехал не сюда, я проезжал мимо на поезде, и мой поезд ждет, чтобы проехал другой поезд. Увидев тебя, я вышел. А что насчет твоего бесстрашия?»

Он сказал: «Я отказался от этой мысли. Ты сделал одну хорошую вещь – избавил меня от ложного представления, что я бесстрашен. Ты прояснил для меня, что я подавляю свой страх мыслью о бесстрашии. Я злился на тебя, но теперь благодарен. Ты оказал мне услугу».

Я ответил: «Я получил от этого удовольствие. Мне от тебя не нужно никакой признательности, никакой благодарности».

В свою очередь он спросил: «Неужели ты никогда не чувствуешь, что делаешь что-то неправильно?»

Я ответил: «Никогда не чувствую. Я просто делаю то, что мне нравится. Наша жизнь так коротка, зачем утруждать себя и тратить время в сомнениях – правильно это или нет? Я не причиняю никому вреда. И тебе я не навредил. Тот крик, который вырвался у тебя, принес пользу; он очистил все твое существо. Должно быть, вместе с ним вышло много мусора из тебя».

Я никогда не судил, поэтому я точно не знаю, как это происходит. Когда ты говоришь, что судишь себя, это заимствовано. Люди судили тебя, и ты перенял их образ мыслей, не под-

вергнув его внимательному изучению. Ты страдаешь от осуждений других людей и сам перекидываешь эти осуждения на других. Эта игра выросла до невообразимых размеров; от нее страдает все человечество.

Если вы хотите выйти из нее, первое: не судите себя. Примите покорно свое несовершенство, свои неудачи, свои ошибки, свои слабости. Тогда не будет смысла притворяться. Будьте собой: «Вот такой я есть, полный страхов. Я не могу выйти в темную ночь. Я не могу пойти в густой лес». Что в этом ненормального? Это свойственно человеку.

Когда вы примете себя, вы сможете принять и других, потому что вы получите ясное представление о том, что они страдают от той же болезни. Принимая их, вы поможете им принять себя.

Мы сможем все изменить: принимайте себя. Это делает вас способным принимать других. И стоит кому-то принять их, как они впервые начинают познавать саму красоту приятия, впервые в жизни, какое это умиротворение – и они начинают принимать других.

Если все человечество придет к тому, что каждого нужно принимать таким, какой он есть, почти девяносто процентов страданий попросту исчезнут: не будет оснований для этого. И ваши сердца раскроются во всей своей гармонии, и ваша любовь разольется по миру.

А сейчас как вы можете любить? Когда вы видите столько несправедливости, столько недостатков, как вы можете любить? Вы хотите совершенства. Никто не совершенство, поэтому вам приходится смириться с состоянием не-любви или же смириться с тем, что другой несовершенен. Любовью можно делиться, делиться с самыми разными людьми. Не предъявляйте требований.

Осуждение уродливо, оно ранит людей. С одной стороны, вы продолжаете причинять боль, ранить людей, а с другой стороны, вы хотите их любви, их уважения. Это невозможно.

Любите их, уважайте их, и, возможно, ваши любовь и уважение помогут им освободиться от многих слабостей, от многих недостатков, потому что любовь даст им новую энергию, новый смысл, новую силу. Любовь даст им новые корни, чтобы выстоять против сильных ветров, жгучего солнца, проливных дождей.

Если хотя бы один человек любит вас, это делает вас настолько сильным, что трудно себе представить. Но если в этом огромном мире никто не любит вас, тогда вы одиноки; вы думаете, что вы свободны, но на самом деле вы живете в одиночной камере в тюрьме. Просто одиночная камера невидима; вы носите ее с собой.

Сердце откроется само. Не беспокойтесь за сердце. Просто проведите первичную черновую работу.

Ошо, мне кажется, ты парадоксален. Ты олицетворяешь сущность как вечность и в то же время как здесь и сейчас.

Рядом с тобой я замечаю ощущение чего-то, что было всегда и всегда будет, чего-то, о чем я всегда знала, – хотя и не осознаю четко, что это. В то же время, когда бы я ни увидела тебя, это нечто настолько чарующе новое и свежее... Как будто я увидела тебя в первый раз. Но когда я действительно увидела тебя в первый раз в Пуне, я почувствовала, что всегда знала тебя.

Ошо, я схожу с ума?

Ты не сходишь с ума, Маниша, потому что ты уже сошла с ума. Но быть сумасшедшей здесь, со мной, значит впервые ощутить вкус здравого смысла.

Это правда, в этом есть парадокс. Ты можешь чувствовать в моем присутствии одновременно силу, глубину настоящего момента – здесь и сейчас, и что очень нелогично, но саму суть, бесконечное, которое всегда было и всегда будет. Но это только отчасти парадокс – все парадоксально лишь отчасти, потому что здесь и сейчас – это дверь в вечность.

Ощущать этот момент значит ощущать в то же время все, что было, и все, что будет, потому что данный момент содержит и то, и другое. Он содержит все прошлое, потому что куда исчезает прошлое? – оно постепенно перетекает в настоящее. Он содержит и все будущее, потому что откуда появляется будущее? – оно вырастает из этого момента и из следующего момента, и из следующего момента, и из целой вечности.

Настоящий момент – это семя, в котором есть все деревья прошлого... многие поколения деревьев. Это семя не пришло из ниоткуда, оно пришло с дерева. Это дерево выросло из другого семени, а то семя пришло с другого дерева. Если вы пойдете в обратном направлении, семя приведет вас к самым истокам – если эти истоки существовали.

Так было всегда.

И это семя также содержит будущие деревья. Из этого семени вырастет новое дерево, а из этого дерева вырастут тысячи семян и тысячи деревьев. Одно-единственное семечко может сделать всю землю зеленой... Или можно даже сказать, что оно может сделать зеленой всю Вселенную. Вот так много содержится в маленьком семечке.

Настоящий момент – это семя времени.

Оно невидимо. Вот почему мы не знаем, что оно содержит.

Оно содержит все прошлое; оно содержит все будущее. Вот почему я настаиваю: не думайте о прошлом, не думайте о будущем. Оставайтесь в настоящем, все прошлое ваше, все будущее ваше.

Из-за этого парадокса в моем присутствии ты чувствуешь, будто видишь меня в первый раз; а когда ты несколько лет назад увидела меня в первый раз, у тебя было чувство, что ты знала меня всегда. Но это тот же парадокс; никаких отличий.

Мы всегда видим друг друга впервые, и мы знали друг друга вечно, потому что перемены – это единственное, что неизменно в существовании... А особенно с таким человеком, как я, который живет не по логике, у которого нет уважения к логике, который никогда не беспокоится, будет ли это высказывание противоречить какому-либо другому. По сути, я и не помню, о чем говорил прежде, поэтому это очень легко для меня: каждое изречение новое, и я не сравниваю его ни с чем.

Поэтому ты могла бы слушать меня годами, но ты все равно воспринимала бы меня как что-то новое. По одной простой причине: я не оставляю в памяти того, что говорил в предшествующие дни. Я не знаю точно, какими будут мои следующие слова.

Они не подготовленные лекции профессора в университете и не подготовленные проповеди священника в церкви. Я просто откликаюсь на вашу тишину, на ваши вопросы, на скрытый смысл ваших вопросов. Вы можете задавать один и тот же вопрос тысячи раз, но мой ответ не будет тем же, потому что все изменяется. Вы сильно изменились, я сильно изменился. Вопрос может показаться тем же, но он не тот, потому что его задает другой человек, который изменился.

Прошло десять лет; через десять лет человек не может остаться тем же. И, конечно, ответ не может быть тем же, потому что каждый момент я продолжаю двигаться вместе с жизнью; я не отстаю от нее. Я не создаю никаких теорий, у меня нет желания заслужить репутацию последовательного мыслителя. Я просто играю словами. Но моя работа идет в другом месте; она идет в твоём сердце, и она идет каждый день по-новому.

Поэтому и то, и другое возможно: под одним углом ты видишь меня как нечто новое; под другим углом – как очень старое, как будто ты всегда знала меня.

Еще одна причина: что бы я ни говорил, все складывается абсолютно спонтанно, но при этом содержит наидревнейшие истины, когда-либо произнесенные человеческим существом на Земле. Поэтому те, кто может понять, видят, что я говорю то, о чем всегда говорили мистики, но, в то же время, каждый день я говорю это так, как об этом не говорили никогда. Так что в этом есть новизна и свежесть – и глубокая почтенная древность.

Но в этом нет парадокса. Все парадоксально только отчасти. По крайней мере, со мной не может быть ничего парадоксального, потому что в моем существе нет ничего парадоксального. Мое существо настолько гармонично, что противоречивые суждения не могут вырасти из него. И поэтому я не беспокоюсь по поводу своих высказываний. Я познал свое существо, я познал его гармонию.

И быть сумасбродной в этой мистической школе – это сейчас единственный способ быть разумной в этом безумном мире. Поэтому, когда я выдам тебе сертификат, утверждающий, что ты сумасбродна, это будет означать, что ты сдала экзамен.

Глава 2

Полный стакан воды

Ошо, в былые времена это называлось меланхолией, сегодня это называется депрессией, и она считается одной из основных проблем в развитых странах. Ее описывают как чувство безысходности или безнадежности, недостаток самооценки наравне с отсутствием энтузиазма или интереса ко всему окружающему. Кроме того, существуют физиологические симптомы: плохой аппетит, бессонница и потеря сексуальной энергии. В настоящее время от электрошоковой терапии отказались, медикаментозное лечение или лечение беседами считается одинаково эффективным или неэффективным. Объяснения, что такое депрессия, варьируются от химических до психологических.

Ошо, что же такое депрессия? Это реакция на гнетущий мир или своего рода зимняя спячка в период «зимы нашей неудовлетворенности»? Или депрессия – просто реакция на подавление, или подавленность, или это просто форма самоподавления?

Человек всегда жил в надежде на будущее, на рай где-то очень далеко. Он никогда не жил в настоящем... Его золотой век ожидался в будущем. Это поддерживало его энтузиазм, потому что лучшее должно было произойти, все его желания должны были воплотиться в будущем. И была великая радость в этом предвкушении.

Он страдал в настоящем; он был несчастен в настоящем. Но все это полностью исчезало в мечтах, которые должны были сбыться завтра. «Завтра» всегда было животворным.

Но все изменилось. Прежнее положение вещей было неподходящим, потому что «завтра» – исполнение желаний – никогда не наступало. Он умирал, надеясь. Даже в смерти он надеялся на будущую жизнь, но по сути он никогда по-настоящему не испытывал никакой радости, не видел никакого смысла. Но это было терпимо. Оставался только вопрос «сегодня», но оно пройдет, и обязательно наступит завтра.

Религиозные пророки, мессии, спасители обещали ему в раю все удовольствия, которые здесь осуждались. Политические лидеры, социальные идеологи, утописты обещали ему то же самое – не в раю, а здесь, на земле, когда-нибудь в далеком будущем, когда общество пройдет через тотальную революцию, и не будет нужды, классов, правительства, и человек будет абсолютно свободным, и у него будет все, что ему нужно.

И то и другое, в сущности, служит одной и той же психологической цели. Для тех, кто был материалистом, идеологические, политические, социологические утописты были привлекательны; тех, кто был не настолько материалистичен, привлекали религиозные лидеры. Но объект привлекательности был точь-в-точь тем же: все, что вы только можете себе представить, о чем только можете мечтать, что только можете желать, будет дано непременно. И на фоне этих мечтаний нынешние страдания казались весьма незначительными.

Мир был полон энтузиазма; у людей не было депрессий. Депрессия – это современный феномен, и он появился из-за того, что сейчас нет завтра.

Все политические идеологии показали свою несостоятельность. Невозможно, чтобы все люди были равны, невозможно, чтобы пришло время, когда не будет правительства, невозможно, чтобы все ваши мечты сбывались.

Это понимание пришло как настоящий шок. Вместе с ним человек стал более зрелым. Он может пойти в церковь, в мечеть, в синагогу, в храм, но это будет лишь следование догмам, потому что он не хочет в таком мрачном и подавленном состоянии оставаться один; он хочет быть в толпе. Но по сути он знает, что рая нет; он знает, что никакой спаситель не придет.

Индуисты пять тысяч лет ждали Кришну. Он пообещал, что он не просто придет однажды, он пообещал, что всякий раз, когда будут происходить несчастья и страдания, когда

порок будет возвышаться над добродетелью, когда хороших, простых и невинных людей будут использовать хитрецы и лицемеры, он будет приходить. *Самбхавами юге юге*: «Я буду воплощаться на земле в каждом столетии». Но в течение пяти тысяч лет не было ни знака от него.

Иисус обещал, что придет, и когда его спросили – когда, он сказал: «Очень скоро». Я могу растянуть «очень скоро», но не на две тысячи лет; это уж слишком много.

Мысль о том, что наши страдания, боль, тоска пройдут, больше не привлекает. Мысль о том, что существует Бог, который о нас заботится, кажется просто шуткой. Когда смотришь на этот мир, не кажется, что есть кто-либо, кто о нем заботится.

На самом деле, в Англии существуют тридцать тысяч людей, которые поклоняются дьяволу, – только в Англии, в небольшой части мира. Их взгляды неплохо было бы рассмотреть в связи с твоим вопросом. Они говорят, что дьявол не против Бога, дьявол – это сын Божий. Бог покинул мир, и теперь единственная надежда – убедить дьявола заботиться о нем, потому что Бог не заботится. И тридцать тысяч людей поклоняются дьяволу как Божьему сыну... А причина в том, что они полагают, что Бог покинул мир, он больше не заботится о нем. Естественно, единственный способ – это воззвать к его сыну; если каким бы то ни было образом его удастся уговорить с помощью ритуалов, молитв, поклонения, то, возможно, от страданий, мрака, болезней удастся избавиться.

Это крик отчаяния.

В действительности, человек всегда жил в нищете. Но в нищете есть и нечто прекрасное: она никогда не разбивает ваши надежды, она никогда не противоречит вашим мечтам, она всегда питает надежду на завтра. Человек надеется, что будет лучше: темная полоса уже заканчивается; скоро будет светлая.

Но все изменилось. В развитых странах... И помните, проблемы депрессии не существует в неразвитых странах – в бедных странах люди все еще надеются, – она существует только в развитых странах, где у них есть все, о чем они всегда мечтали. Теперь рай ни к чему; не поможет и бесклассовое общество. Ни одна утопия не поможет. Они достигли цели, и это достижение цели – причина депрессии. Теперь надежды нет: завтра темно, а послезавтра будет даже темнее.

Все то, о чем они мечтали, было прекрасно. Но они никогда не думали о последствиях. Теперь они получили все, они получили все вместе с последствиями. Человек беден, но у него есть аппетит. Человек богат, но аппетита у него нет. Но лучше быть бедным и иметь аппетит, чем быть богатым и аппетита не иметь. Что вы собираетесь делать со всем вашим золотом, всем вашим серебром, всеми вашими долларами? Вы не можете съесть их.

У вас есть все, но аппетит – то, за что вы боролись все это время, – исчез. Вы преуспели, а я говорил снова и снова, что худшая из неудач – это успех. Вы достигли того, чего хотели достичь, но вы не задумывались о побочных явлениях. У вас есть миллионы долларов, но вы не можете уснуть.

Когда Александр был в Индии, он встретил обнаженного святого в пустыне.

Он заявил: «Я Александр Великий!»

Святой сказал: «Не может быть».

Александр ответил: «Вздор! Тебе это говорю я, и ты можешь видеть повсюду мои армии».

Святой сказал: «Я вижу твои армии, но тот, кто называет себя „Великим“, еще не достиг величия, потому что величие делает людей смиренными – без этого твое величие несостоятельно, совершенно несостоятельно».

Александр был учеником Аристотеля и был научен безупречной логике. Он не мог слушать всю эту мистическую бессмыслицу. Он сказал: «Я не верю во все это. Я завоевал весь мир».

Нагой мужчина сказал: «Если в пустыне ты томишься от жажды, а я предложу тебе стакан воды, сколько ты мне дашь за него? – на многие мили вокруг воды нет».

Александр сказал: «Я бы отдал тебе половину моей империи».

Святой сказал: «Нет, я не продам его за половину империи. Или империя, или стакан воды. Ты томишься от жажды, ты умираешь, и нет возможности где-либо отыскать воду – что ты будешь делать?»

Александр ответил: «Тогда, естественно, я отдам тебе всю империю».

Святой засмеялся; он сказал: «Так вот цена твоей империи – стакан воды! И ты думаешь, что завоевал весь мир? С этого дня говори, что ты завоевал стакан воды».

Когда человек достигает заветных целей, он начинает осознавать, что они тянут за собой еще многие вещи. Например, всю свою жизнь вы старались заработать деньги, думая, что однажды, когда они будут, вы сможете жить расслабленной жизнью. Но вы напрягались всю вашу жизнь – напряжение стало образом вашей жизни – и в конце жизни, когда вы получили столько денег, сколько хотели, вы не можете расслабиться. Вся жизнь прошла в напряжении – и страдания и тревоги не позволяют вам расслабиться.

Поэтому вы не победитель, а побежденный. Вы теряете аппетит, вы разрушаете здоровье, вы убиваете вашу чувствительность, вашу восприимчивость. Вы губите в себе чувство прекрасного, потому что нет времени на все то, что не приносит деньги.

Вы гоняетесь за долларами – у кого есть время любоваться розами? У кого есть время наблюдать за полетом птиц? У кого есть время разглядеть красоту человеческого существа?

Вы откладываете все это в надежде, что в один прекрасный день, когда у вас будет все, вы расслабитесь и будете наслаждаться. Но к тому времени, когда у вас будет все, вы станете своего рода рациональным человеком – который слеп к розам, который слеп к красоте, который не может наслаждаться музыкой, который не может постичь танец, который не может уловить поэзию, который только и может что разбираться в долларах. Но эти доллары не приносят удовлетворения.

В этом причина депрессии. Вот почему она встречается только в развитых странах и только среди богатых слоев населения развитых стран – в развитых странах есть и бедные люди, но они не страдают от депрессии, – и теперь вы больше не можете дать человеку надежду, чтобы он избавился от депрессии, потому что у него есть все – больше, чем вы можете пообещать.

Его состояние, действительно, жалко. Он никогда не думал о последствиях, он никогда не думал о побочном результате, он никогда не думал, что он потеряет, приобретая деньги. Он никогда не думал, что потеряет все, что могло бы сделать его счастливым, только потому, что он всегда отталкивал все это. У него не было времени, а конкуренция была жесткой, и ему пришлось быть жестким. А в конце он обнаружит, что его сердце мертво, а жизнь бессмысленна. Он не видит никакой возможности каких-либо перемен в будущем, потому что «Ну что там еще может быть?..»

Обычно в Сагаре я останавливался в доме очень богатого человека. Старик был очень красив. Он был крупнейшим производителем *биди* во всей Индии. У него было все, что только можно себе представить, но он был совершенно не способен чем бы то ни было наслаждаться.

Наслаждение – это то, что необходимо лелеять. Это определенная наука, определенное искусство – как наслаждаться, и требуется время, чтобы проникнуться тем замечательным, что есть в жизни.

Но человек, который гонится за деньгами, пропускает все, что является дверью в божественное, и он останавливается в конце пути, а впереди него нет ничего, кроме смерти.

Всю свою жизнь он был несчастен. Он терпел, не обращал внимания в надежде, что все изменится. Теперь он не может не обращать внимания и не может терпеть, потому что завтра – только смерть, и ничего больше. И теперь все скопившиеся за его жизнь несчастья, на которые он не обращал внимания, страдания, на которые он не обращал внимания, разрывают изнутри все его существо.

Богатейший человек – в определенном смысле беднейший человек в мире.

Быть богатым и не быть бедным – великое искусство.

Быть бедным и быть богатым – обратная сторона этого искусства.

Есть бедные люди, которых вы найдете невероятно богатыми. У них ничего нет, но они богаты. Их богатство заключается не в вещах, а в их существе, в многомерности их познаний.

Есть и богатые люди, имеющие все, но совсем бедные, и бессодержательные, и пустые. Глубоко внутри лишь погост.

Депрессия не болезнь всего общества, потому что иначе она бы затронула и бедных; это естественный закон, и сейчас человек должен изучить его. До настоящего времени в этом не было необходимости, потому что никто не достигал точки, где бы он имел все, а внутри был бы полный мрак и невежество.

Самое главное в жизни – находить смысл в настоящем моменте.

Основной аромат вашего существа должен состоять из любви, празднования, радости. Тогда вы можете делать все; доллары не убьют его. Но вы все отодвинули в сторону и гонитесь за долларами, думая, что за доллары можно купить все. А затем однажды вы обнаружите, что за них нельзя купить ничего, – а вы посвятили всю свою жизнь долларам.

Вот в чем причина депрессии.

На Западе депрессия обещает быть очень особенно глубокой. На Востоке тоже есть богатые люди, но там доступно и другое измерение. Когда путь к богатству подходит к концу, они не застывают там; они начинают двигаться в новом направлении. Это новое направление витало в воздухе, доступное на протяжении веков.

На Востоке бедные были в хорошем положении, а богатые были в невероятно хорошем положении. Бедные научились получать удовлетворение, и они не утруждают себя честолюбивыми помыслами. А богатые поняли, что однажды им придется отказаться от этого всего и отправиться на поиски истины, на поиски смысла.

На Западе в конце пути дорога просто заканчивается. Вы можете вернуться, но возвращение не излечит вашу депрессию. Вам нужно новое направление.

Гаутама Будда, Махавира или Паршваната – эти люди были на вершине богатства, а затем они увидели, что оно едва ли не бремя. Что-то еще должно быть найдено, пока смерть не вступила в свои права, – и у них хватило мужества отречься от всего.

Их отречение было неправильно воспринято. Они отреклись от всего, потому что не хотели больше тратить ни единого мгновения ни на деньги, ни на власть – они видели вершину и то, что там ничего нет. Они поднялись на самую верхнюю ступеньку лестницы и увидели, что она ведет в никуда; это просто лестница, ведущая в никуда.

Пока вы где-то посередине или ниже, чем посередине, у вас есть надежда, потому что выше вас есть еще ступени. Но наступает момент, когда вы оказываетесь на самой верхней, – и дальше только самоубийство, либо сумасшествие, либо лицемерие: вы продолжаете улыбаться, пока смерть не прикончит вас, но глубоко внутри вы знаете, что потратили жизнь впустую.

На Востоке депрессия никогда не была проблемой. Бедные научились довольствоваться тем малым, что у них было, а богатые поняли, что весь мир у их ног ничто – нужно отправляться на поиски смысла, а не денег.

И у них есть прецеденты: тысячи лет люди продолжали поиски истины и находили ее. Нет оснований быть в отчаянии, в депрессии – нужно лишь двигаться в неизвестное измерение. Они никогда не исследовали его – но когда они начинают исследовать новое измерение, это означает путешествие внутрь, путешествие к самому себе. Все, что они потеряли, начинает возвращаться.

Западу необходимо немедленное всеобщее движение в медитацию; иначе эта депрессия начнет убивать людей. А эти люди талантливы: они достигли власти, они достигли денег, они достигли всего, чего хотели... Высшие степени в образовании. Это талантливые люди, и они в отчаянии.

Это становится опасным, так как самые талантливые люди больше не чувствуют любви к жизни, а неталантливые полны энергии, но у них нет способностей, чтобы получить власть, деньги, образование, уважение. У них нет способностей, и они страдают, чувствуют себя неполноценными. Они становятся террористами, они становятся неоправданно жестокими просто из мести – потому что больше ничего они не могут. Но они могут разрушать.

Богатые же почти готовы повеситься на первом дереве, потому что у них нет оснований, чтобы жить. Их сердца перестали биться давным-давно. Они просто трупы – хорошо декорированные, весьма уважаемые, но совершенно пустые и бесполезные.

Запад, действительно, находится в намного худшем положении, чем Восток, – хотя тем, кто не понимает, кажется, что Запад в лучшем положении, чем Восток, потому что Восток беден. Но бедность не настолько большая проблема, как несостоятельность богатства; тогда человек действительно беден. Обычный бедный человек, по крайней мере, имеет мечты, надежды, богатый же не имеет ничего.

Что необходимо, так это всеобщее движение в медитацию, захватывающее каждого человека.

На Западе люди, находящиеся в депрессии, идут к психоаналитикам, психиатрам и прочим шарлатанам, которые сами в депрессии, еще в большей депрессии, чем их пациенты, – естественно, потому что целыми днями они слышат о депрессии, отчаянии, отсутствии смысла. И, наблюдая столько талантливых людей в таком жалком состоянии, они сами начинают терять присутствие духа. Они не могут помочь; им самим нужна помощь.

Назначение моей школы будет заключаться в том, чтобы подготовить людей с медитативной энергией и отправить их в мир как пример для тех, кто находится в депрессии. Если они увидят, что есть люди, которые не подавлены – а, наоборот, необычайно радостны, – возможно, в них зародится надежда. Теперь у них может быть все, и нет оснований переживать.

Они могут медитировать.

Я не учу отречению от своего богатства или от чего-то еще. Пусть все будет так, как есть. Просто добавьте к своей жизни еще одну вещь. До сих пор вы дополняли свою жизнь только предметами обихода. Теперь добавьте кое-что к своему существу – и это сотворит музыку, это сотворит чудо, это сотворит волшебство, это создаст новый трепет, новую молодость, новую свежесть.

Это не неразрешимо. Проблема серьезная, но решение очень простое.

Ошо, люди иногда говорили мне, что видят в моем лице что-то от очень старой злой ведьмы. И я чувствовала внутри, глубоко скрытый, мстительный, холодный гнев против всех мужчин, которые когда-либо принуждали, насиловали, убивали или обижали женщин. Это кажется чем-то, что я ношу с собой многие жизни, и осознание этого очень мучительно. Что это – какая-то незнакомая часть меня, темная сторона моей души? Если это так, пожалуйста, помоги мне обнаружить эту старую ведьму и подружиться с ней.

Первое, что нужно прояснить, это то, что именно христианство вынесло приговор слову «ведьма»; на самом деле, оно было одним из самых почитаемых слов, настолько почитаемых, насколько слово «мистик», мудрый мужчина. Оно обозначало просто мудрую женщину, по аналогии с мудрым мужчиной.

Но в средневековье христианству пришлось столкнуться с опасностью. Тогда жили тысячи женщин, которые были намного мудрее, чем епископы, кардиналы и римский папа. Они знали искусство трансформации человеческих жизней.

Вся их философия была построена на любви и трансформации сексуальной энергии – женщине это дается гораздо легче, чем мужчине. В конце концов, она мать, и она всегда мать. Даже маленькая девочка обладает инстинктом материнства.

Материнский инстинкт – это нечто не связанное с возрастом, это составляющая женской природы. Для трансформации же нужна атмосфера, полная любви, по-матерински нежное перемещение энергий. Это составило конкуренцию христианству. Христианству нечего было предложить для сравнения, но христианство было у власти.

До тех пор это был мужской мир, и они решили уничтожить всех ведьм. Но как их уничтожить? Это был вопрос убийства не одной, но тысяч женщин. Были созданы специальные суды для расследования, чтобы выявить, кто является ведьмой.

Любую женщину, о которой христиане говорили, что она имеет влияние на людей, и перед которой люди испытывали благоговение, хватали и пытали – так сильно, что она вынуждена была сознаваться. Они не прекращали пытаться, пока она не признавалась, что она ведьма. Христианский ум, христианская теология изменила смысл слова «ведьма»: ведьма – это та, которая имеет сексуальную связь с дьяволом.

Вы больше не услышите ни о каком дьяволе, сношающем с женщиной. Либо дьявол стал христианским монахом и соблюдает целибат, либо... что случилось с дьяволом? Кем был тот, у кого были сексуальные связи с тысячами женщин? И эти женщины были в большинстве своем преклонного возраста. Это не кажется логичным. Когда доступны молодые и красивые женщины, зачем дьяволу было идти к старым, очень старым женщинам?

Чтобы стать ведьмой, требовались длительная подготовка, длительное обучение, длительная практика. Поэтому к тому времени, когда женщина становилась ведьмой – мудрой женщиной, – она была уже стара; она пожертвовала всем, чтобы достичь этой мудрости, этой магической силы.

Они заставляли бедных старых женщин говорить, что у них были половые сношения с дьяволом. Многие из них долго держались... но пытки были слишком жестоки.

Когда у меня начались проблемы со спиной, Деварадж и другие саньясины, которые обучались работе с телом, начали делать мне вытяжение. И я спросил: «Что такое вытяжение? Как его изобрели?» Они не имели понятия. Вытяжение изобрели христиане в средневековье, чтобы пытать ведьм – тянуть их тела с обеих сторон до тех пор, пока это не становилось невыносимым. Многие теряли сознание; многие умирали на их вытягивающей машине. Но, между прочим, было обнаружено, что у многих пожилых женщин, которых клали на вытягивающую машину, были проблемы со спиной; когда их снимали с машины, эти проблемы исчезали. Поэтому сейчас христиане не используют ее, но врачи используют. Теперь это раздел медицины.

Они пытали этих женщин разными ужасными способами только ради одного: они должны были сознаться. Женщины пытались продолжать говорить, что никак не связаны с дьяволом, что им не в чем сознаваться. Но никто их не слушал; их продолжали пытать.

Вы можете любого заставить признаться в чем угодно, если будете продолжать пытки. Наступает такой момент, когда он чувствует, что лучше сознаться, чем каждый день ни за что страдать от пыток. А они могут продолжаться всю жизнь. Как только женщина признавалась, что она ведьма и что она вступала в сексуальную связь с дьяволом, пытки прекращались, и она предстала перед судом – специальным судом, созданным римским папой, – а перед судом она должна была уже сознаться. И как только она признавалась перед судом, суд имел право наказать ее – потому что это величайшее преступление в глазах христианства.

На деле, даже если бы у женщины была сексуальная связь с дьяволом, это никого, кроме нее, не касается – это не преступление, потому что она не причинила никому вреда. И дьявол никогда не приходил с жалобой ни в один полицейский участок: «Эта женщина опасна». По какому праву христианство сжигало этих женщин?

Единственным наказанием было сожжение заживо, чтобы больше ни одна женщина не осмелилась стать ведьмой. Они уничтожили тысячи женщин и полностью устранили значительную часть человечества. И та мудрость, которая была в этих женщинах: их книги, их методики, их техники трансформации человека, трансформации человеческой энергии...

Поэтому первое, что нужно уяснить: не думайте, что *ведьма* – это плохое слово. Оно более значительно, чем слово *папа*; я не думаю, что папа – тот человек, которого можно назвать мудрым; они просто попугаи, и больше ничего. Возможно, это связано с твоей прошлой жизнью: рана была настолько глубока, что до сих пор воспоминания из бессознательного продолжают всплывать в тебе. И от этого возникает ненависть к мужчинам, так как то, что было сделано с тобой, было сделано мужчинами.

Это простая ассоциация, но эту ассоциацию нужно отбросить. Это было сделано не мужчинами, это было сделано христианами. А христиане совершили очень много преступлений и продолжают их совершать. Это невероятно.

Даже сейчас в Соединенных Штатах идет судебное дело против католической церкви: они не могут иметь статус организации, свободной от налогового обложения, если каким-либо образом участвуют в политике. А они участвуют в политике всеми возможными способами. У них есть свои лоббисты в Сенате, в конгрессе; даже бывший президент, Рональд Рейган – христианский фундаменталист; они, должно быть, влияют на него, потому что это наиболее фанатичная часть христианства.

Мировой судья, убежденный доказательствами, предоставленными небольшой группой свободных людей, свободных от христианского рабства, – что эти люди лоббируют и влияют на законодательство, на правительство, – решил, что их надо лишить статуса, освобождающего от уплаты налогов.

Мировой судья сказал им, что они будут штрафоваться ежедневно на сто тысяч долларов до тех пор, пока они не ответят. Но так уж устроен наш мир: по истечении семи дней мировой судья изменил формулировку: «Они не будут оштрафованы, пусть просто ответят».

Это доказательство того, что он испытывает давление, исходящее от высших инстанций... оно слишком велико в христианской стране. Именно об этом и думал Рональд Рейган: Америка – христианская страна и должна уважать христианские ценности, а это осуждение всей христианской церкви. Поэтому никаких штрафов; они могут просто ответить, правда это или нет. Но инцидент исчерпан; так долго продолжаться не может. Им придется смириться с этим фактом.

Наша коммуна была уничтожена христианами, скрывающимися под маской политиков. У них есть деньги, у них есть голоса, и поэтому каждый политик беззащитен перед их влиянием.

А они по всему миру совершают отвратительные поступки. Рональд Рейган должен был дать большое количество военной техники Саудовской Аравии, что отклонил конгресс, потому что было странно: с одной стороны, вы даете военную технику Израилю, а с другой стороны, вы даете военную технику мусульманским странам. Обе стороны используют эту технику – вы нашли хороший рынок сбыта. Люди будут гибнуть, а вы будете продавать ненужную вам устаревшую военную технику. Что еще можно с ней сделать? Ежедневно появляется новое, а старое выходит из употребления. Но продавать ее разным сторонам просто абсурдно. Если вы хотите помочь Израилю, вы не должны продавать военную технику мусульманским странам. Но вопрос не в этом. Кого волнует Израиль, кого волнуют мусульманские страны? Волнует по-настоящему одно – как много вы сможете продать. Президент Рональд Рейган наложил вето на решение конгресса; он все-таки продолжил продавать.

Соединенные Штаты заключили договор с европейскими странами, с НАТО. Рональд Рейган предложил изготовить химическое оружие – самое опасное. Только пять стран из шестнадцати проголосовали «против», но это не имело значения, потому что большинство было «за». Все великие страны – Англия, Франция, Германия – выступили «за».

Когда на войне используются химические вещества – это наиболее опасно, наиболее отвратительно, наиболее бесчеловечно. Например, бомба будет сброшена здесь, но химические вещества распространятся по всему городу, и стоит кому-либо вдохнуть этот газ – он умрет немедленно.

Есть газы, которые размягчают только кости; вы будете жить, но ваши кости будут расплавлены. Вы станете просто мешком без костей. Какая жизнь будет у человека, у которого не будет костей? Он не сможет ходить, он не сможет сидеть; он сможет только лежать. А они продолжают говорить об истине, говорить о Боге... Все их речи лживы.

Западные врачи поехали в Киев и выяснили, что Советский Союз дал точную информацию о катастрофе на их атомной электростанции. Погибло только два человека, а Америке удалось убедить все средства массовой информации во всем мире сообщить, что погибли две тысячи человек. Должен же быть предел преувеличению – два человека стали двумя тысячами! И теперь западные эксперты, съездив туда, подтвердили, что погибли только два человека. Еще четыре человека погибли впоследствии, то есть всего погибло шесть человек.

И это религиозные люди, которые всеми способами пытаются обмануть мир, обмануть человеческий ум, осквернить его грязной ложью. Поэтому не будь против мужчин как таковых; достаточно быть против христианских злодеяний.

И не надо переживать, что что-то с тобой не так. Должно быть, это воспоминания. Ты можешь подвергнуть себя гипнозу, чтобы вспомнить больше. Это поможет достичь сразу двух целей: ты не будешь переживать из-за того, что тебя посещают такие ужасные, пагубные мысли, а во-вторых, это поможет уяснить разницу между мужчинами и христианами.

Все европейские страны являются христианскими, и все они готовы к химической войне. И они будут так же проповедовать: «Возлюби врага своего. Возлюби соседа своего», – и они будут так же молиться в своих церквях... И они будут готовить химическую смерть миллионам людей. И инициатором будет христианин-фундаменталист.

Рональд Рейган воспитывался в фундаменталистской христианской школе, и он не вырос из нее. Он отстает в развитии.

Вы можете наблюдать христианский ум во всей красе: американцев спросили: «Если бы вы хотели поменять свой мозг, с кем бы вы поменялись?» – самым последним в списке был Бог. Как можно видеть, Бог мало кому интересен.

Если вы спросите кого-нибудь прямо, он будет ратовать за то, что Бог – это верховное существо. Но если сделать это в обход – он попадет в ловушку. Рональд Рейган выше Бога, выше Иисуса Христа. Иисус Христос и Бог – это фикция, даже для христианского ума. Иначе Бог был бы первым в списке – он даже не мог бы быть вторым, – вторым был бы Иисус Христос. В мире много прекрасных людей; Рональд Рейган не должен быть ни на каком месте.

Но на протяжении двух тысяч лет христианство убивало людей во имя религии, во имя Бога, во имя Христа, во имя нации, поэтому вполне правильно осуждать его. Но не каждый человек христианин. Быть христианином значит деградировать, значит становиться недочеловеком.

Было бы неплохо пройти через гипноз, чтобы лучше разобраться в себе. Возможно, ты вспомнишь методики ведьм: как они действовали, как у них получалось изменить человека, потому что если бы они не были опасны для христианства, то христианство не убивало бы их.

Они представляли собой реальную опасность, потому что христианство не могло предложить ничего подобного.

Глава 3

Абсолютное равновесие

Ошо, ты абсолютная тишина и такое безмолвие, но, тем не менее, я вижу, что, где бы ты ни находился, сумасшедший вихрь окружает тебя. Это твоя лила или существование всегда идеально уравновешенно?

Ни то и ни другое. Я не имею к этому никакого отношения. Это не моя *лила*, игра; это и не природа, уравновешивающая сама себя. Это нечто тотально отличающееся и от того, и от другого.

Мир – это всегда сумасшедший дом... по крайней мере, до сих пор он был сумасшедшим домом. Но когда все сумасшедшие, ты не осознаешь этого.

Если только один, только единственный человек выходит из сумасшествия – становится разумным – тогда вдруг видна разница. Тогда ты видишь разум, окруженный сумасшествием, тишину, окруженную вихрем. Если все остальные также станут безмолвными и вихрь исчезнет – это станет идеальным равновесием существования.

По логике вещей, равновесие случается между противоположностями. В действительности, равновесие означает исчезновение противостояния, когда два становятся одним, их прямо противоположные пути сливаются в один, сплавляются в одну реальность. Это равновесие, истинное равновесие.

Я понимаю ваш вопрос: я в полной тишине, в безмолвии; но, куда бы я ни пошел, сильное смятение окружает меня.

Смятение было всегда; но не было способа противопоставить ему что-либо. Это смятение появилось не внезапно. Моя тишина не вызывает его, но моя тишина раскрывает его.

Вы можете постичь это разными способами. В мире, где все слепые, опасно быть зрячим, потому что вы противопоставляете себя целому миру. Гораздо спокойней и удобней выколоть себе глаза и стать слепым или, по крайней мере, держать глаза закрытыми и притворяться слепым.

Сделать достоянием гласности, что у вас есть глаза и вы можете видеть... Естественно, вам захочется, чтобы все вокруг тоже могли видеть красоту мироздания, все краски, все звезды. Без глаз человек жив только на двадцать процентов, восемьдесят процентов впечатлений он получает с помощью глаз. Естественно, вы хотите помочь. Но, если все слепы, они не смогут понять, что они слепы. Их родители были такими, их прародители были такими; поколение за поколением, только такими они и были, и иначе быть не могло.

А вы предлагаете им нечто настолько новое, настолько возмутительное, настолько оскорбительное, что, вместо того чтобы помочь вам помочь им, они хотят убить вас, уничтожить вас, чтобы не с чем было сравнить, не с чем было сопоставить, чтобы ничто не могло указать на то, что, возможно, они слепы, ничто не могло посеять сомнения в них: «Кто знает, возможно, этот человек прав...»

Они не хотят пускаться ни в какие сомнения. Они не хотят принимать непригодные для них идеи. Убрать этого человека – распыть его, отравить его, убить его – намного легче, чем для миллионов людей принять совсем непригодное, неудобное, унижительное явление: они все слепы.

Самое сложное в этом мире – принять то, что ты невежда. Даже самый невежественный человек не готов принять это. Только самые величайшие гении, такие как Сократ, были способны принять, что они ничего не знают.

Нормальные, средние, обычные люди с удовольствием верят, что они знают, что они знают все. И каждый, кто порождает вопрос, порождает сомнение, порождает атмосферу недо-

верия, опасен, потому что он нарушает мерное течение жизни в спокойствии и невежестве. Этого нельзя допустить.

Это величайшее преступление, известное человечеству.

Поэтому это не моя лила, не моя игра; это не природа, которая пытается восстановить идеальное равновесие, потому что идеальное равновесие – это абсолютная тишина. У которой не будет противоположности.

Такая ситуация возникла, потому что общество жило в невежестве, полагая, что это знание. Оно жило аморально, полагая, что это мораль. Оно полагалось на самые разные понятия, думая, что они соответствуют действительности; на самом деле, они все мнимые.

И каждый, кто пытается разоблачить все эти вымыслы и ложь... Он будет молчать, потому что только в молчании человек может сделать это, только тот человек, чье молчание не потревожит даже смерть. Вокруг него сплошные неприятности: ложь, обвинения, – и все усилия направлены на то, чтобы доказать, что большинство не может ошибаться.

Это странно, но истина не демократична. Что истинно, не может определяться голосованием; иначе мы вообще никогда не придем к истине. Люди выберут то, что им удобно, а ложь – это очень удобно, потому что вам не нужно с ней ничего делать, вам нужно просто верить... Истина требует приложения усилий, изысканий, риска и блуждания в одиночестве по пути, которым еще никто не ходил.

Непосредственно сегодня Анандо поделился со мной некоторой информацией. Кое-что действительно очень важно: все шизофреники, невротики, психопаты или люди с любыми другими психическими отклонениями всегда хотят быть в толпе – они не хотят оставаться в одиночестве. Этот вывод сделали психоаналитики, работавшие с душевнобольными многие годы: эти люди очень боятся оставаться одни и очень комфортно чувствуют себя в толпе.

Обратное тоже справедливо: если вы чувствуете себя комфортно в толпе, значит, у вас есть склонность впадать в психическое расстройство, когда вы оказываетесь вне толпы, когда остаетесь в одиночестве.

В тюрьмах самое большое наказание – заключение в изолятор: когда человека сажают в темный изолятор и только кусок хлеба просовывают под дверь. Это единственная ниточка, связывающая его с человечеством. Никто не разговаривает с ним, никто не приходит навестить его. И через три недели он начинает терять рассудок, начинает видеть то, чего раньше никогда не видел: галлюцинации, различные миражи... толпа была защитой.

Психоаналитики не сказали, что лежит в основе этого явления. Толпа – это защита, потому что она окружает вас общей галлюцинацией, в которую все верят. Поэтому вам нет нужды волноваться, вам нет нужды думать, что это болезненное явление: «Это разумно – быть христианином, быть мусульманином, быть индуистом, идти в храм, и склоняться перед каменным изваянием, и молиться богу, обитающему на небесах. Все так делают – это должно быть правильным; такое множество людей не может быть неправым...» Это общая галлюцинация.

Поэтому, помещая человека в изолятор, вы отрываете его от толпы, от комфорта и уюта толпы. Он никогда не оставался наедине с собой. И сейчас впервые в темноте, где не с кем поговорить, где не с кем переброситься словом... его ум впадает в ступор. Чтобы чем-то себя занять, он должен что-то делать, его ум должен что-то делать.

Одного русского ученого держали в одиночной камере годами, он сохранил свой рассудок только благодаря счету. От одного он считал до миллионов и миллионов миллионов, а затем обратно, а затем снова и снова... он был великим математиком. А еще он был шахматистом, поэтому, когда он уставал от счета, он играл в шахматы с воображаемым партнером. Играя в шахматы и просчитывая выигрышные ходы, он сохранил рассудок.

Но обычный человек через три недели ломается, и у него начинаются галлюцинации. Это его личные галлюцинации. В этом вся сложность: они не получили подтверждения толпы.

Поэтому тюремные власти решили, что содержание людей в изоляции – самое жестокое наказание, которое только можно вынести. Это поистине самая ужасная пытка.

Толпа – это образ жизни; он может быть жалким, он может быть бедственным, но так живут все. Если кто-то проснется и увидит, что все спят и видят кошмары – страдают необоснованно, создают иллюзии, которые не опираются на действительность, – на этого человека будут смотреть как на врага. Он лучший друг, но он обречен на то, что на него будут смотреть как на врага.

Такова вся история человечества: на друзей смотрели как на врагов, а на врагов смотрели как на друзей.

Я сею тишину вокруг себя. Это следствие моей внутренней тишины. Когда я нахожусь на рынке, естественно, все чувствуют беспокойство, унижение, несоответствие – их убеждения рассыпаются; иначе какую я могу представлять опасность?

Я опасен только тем, что они живут в мире ложных убеждений, а я делаю все возможное, чтобы дать им понять: во что бы вы ни верили – это вздор, и если вы не отбросите это, вы не сможете прийти к переживанию блаженства, вы не сможете соприкоснуться с истиной как она есть.

Я буду продолжать делать это, потому что я не могу даже представить, что нет ни одного шанса разбудить человечество – если не сегодня, то завтра; если не я, то кто-нибудь еще. Но утратить надежду значит отказаться от всех возможностей будущего роста человеческого существа. Поэтому я буду продолжать, пока буду чувствовать свою правоту... а они будут продолжать сторониться, пока будут чувствовать опасность.

Даже если удастся воспламенить нескольких человек, этого будет достаточно, более чем достаточно. Потому что эти несколько человек воспламят еще нескольких человек. Это может быть как лесной пожар.

Беспорядок, волнения, уродства окружающей жизни должны быть уничтожены, но они не могут быть уничтожены тем, кто использует разрушительные методы. Они могут быть уничтожены только тишиной, умиротворением, любовью, состраданием.

Ошо, находясь в твоём присутствии – такое прекрасное переживание. Мы называем его беседой. Это слово кажется мне настолько ничтожным по сравнению с тем, что здесь происходит. Существует ли слово в каком-либо из языков, которое сможет хотя бы показать, если не пояснить, что происходит между мастером и учеником?

Ни в одном языке нет слова для обозначения взаимопроникновения мастера и ученика. Это самое странное явление в жизни. Это не взаимоотношения, это что-то гораздо более глубокое, более величественное, более беспредельное. Стоит вам только познать вкус бытия учеником, как задачей мастера станет помочь вам отбросить его – ученический образ мысли: он настолько удовлетворяющий, настолько цельный, что никто не хочет от него отказываться.

Говорят, что Махакашьяп, один из учеников Гаутамы Будды, никогда ничего не говорил. Снова и снова спрашивали его другие ученики – ведь он был великим философом, прежде чем пришел к Гаутаме Будде; у него были тысячи последователей; он был одним из умнейших людей, окружавших Гаутаму Будду, возможно, следующим после Гаутамы Будды: «Почему ты молчишь? Почему ты не говоришь ничего?»

Из-за того, что ученики постоянно донимали его, он в конце концов сказал: «Дело в том, что я не хочу ничего говорить, потому что не хочу выходить из ученичества. Что-то сказать, обнаружить себя, стать значительным в глазах Гаутамы Будды опасно. Я хочу сидеть в углу и просто наслаждаться присутствием мастера. Я пришел в поисках истины, но теперь у меня нет никакого желания делать это. Я пришел сюда в поисках просветления – я отбросил эту мысль. Просто находиться в присутствии этого человека: чувствовать его изливающуюся любовь, его

тишину, проникающую в каждый уголок моего существа, – уже так много, что просить большего просто неблагодарно».

Вот парадоксы жизни: Махакашьяп стал первым, кто достиг просветления. Его тотальности в ученичестве было достаточно, чтобы сделаться просветленным. И единственное, что о нем сказано в буддистских писаниях, – это то, что он рассмеялся. Это был первый раз, когда он хоть как-то выразил свои чувства.

Будда посмотрел на него и спросил: «Махакашьяп, ты никогда не разговариваешь – почему ты смеешься?»

Он ответил: «Это забавно! Я пытался затаиться, чтобы не попасть к тебе в поле зрения. Здесь так много жаждущих просветления, истины, предельного, что я подумал: „Пусть достигнут они; я могу подождать. Ожидание так прекрасно“. Мне пришлось рассмеяться, потому что я первым вступил в мир просветленных, хотя никогда об этом не просил».

Будда сказал: «Это случилось потому, что ты никогда об этом не просил. Ты, по сути, даже отбросил всякое желание достигнуть этого. Ты приближался к этому, ты даже стал бояться, что это может случиться, поэтому ты прятался по углам и никогда не задавал вопросов. А я знал, что с тобой это произойдет первым – прежде чем с кем-либо еще, – поскольку именно эти качества и нужны. Невольно ты выполнил все условия. Не сердись на меня; я не имею отношения к этому. Только ты ответствен за то, что случилось».

Махакашьяп ответил: «У меня только одно желание: хотя я и стал просветленным – и это потрясающее переживание, – пожалуйста, позволь мне, пока ты жив, не уходить куда-либо еще. Позволь мне оставаться в твоей общине, куда бы вы ни направлялись».

Это была передвижная, странствующая коммуна: пару дней здесь, пару дней в другом месте.

Будда сказал: «Я не могу сказать тебе „нет“; ты никогда ни о чем не просил».

Махакашьяп всю свою жизнь оставался с Гаутамай Буддой. Когда Гаутама Будда умер, он начал говорить. Когда его спросили почему, он ответил: «Теперь я должен создавать ту же атмосферу для тех, кто не изведal вкуса ученичества. У меня не было намерения становиться мастером, но судьба не позволила мне им не стать. Я хотел умереть прежде, чем Гаутама Будда, чтобы мне не нужно было нести эту ношу». Он стал одним из великих мастеров – того же уровня, что и Гаутама Будда, – и он выпустил не одно поколение великих учеников и великих мастеров.

Я рассказывал о дзен: Махакашьяп был первым (не Гаутама Будда), кто положил начало процессу, кульминацией которого явилось дзен. Именно его ученик, Бодхидхарма, принес эту весть в Китай. И, возможно, Гаутама Будда согласился бы не со всем, что составляет дзен, потому что настоящий мастер дзен и его основатель – это Махакашьяп, который тотально отличался от Гаутамы Будды: менее серьезный, с чувством юмора, абсолютно лишенный самолюбования.

Человек, который в конечном итоге сыграл решающую роль, был Бодхидхарма; он вышел из пятого поколения учеников Махакашьяпа. Он был исполнен решимости придать дзен особый характер, которым тот обладает и поныне.

Бодхидхарма пошел даже дальше, чем Махакашьяп. У него отличное чувство юмора, он очень открытый, не ведающий правил и норм поведения, очень скромный и невинный, не имеющий философского образования, говорящий очень просто. Но простые слова в устах такого человека, как Бодхидхарма, приобретают такую свежесть, такую значимость – намного большую, чем может иметь какой бы то ни было философский язык.

Философские слова неопределенные, невыразительные, громоздкие – много шума из ничего. Бодхидхарма говорит телеграфически точно: если хватит десяти слов, он не употребит одиннадцать.

Никто не мог и предположить, что этот малый источник, возникший в таком молчаливом человеке, как Махакашьяп, станет одной из самых благородных и совершенных форм духовности. У Махакашьяпа есть такое качество, как смиренность: он был таким смиренным, что отбросил даже саму мысль о просветлении, о достижении истины. Конечно, он практиковал в присутствии своего мастера: он готов отказаться от всего – включая поиск истины. Если Гаутама Будда окажется в аду, он тоже хотел бы попасть в ад; ему неинтересно оказаться в раю.

Это странное явление, о котором на Западе не имеют понятия. Там есть учащиеся, там даже знают слово «ученик», но там никогда не достигали всей глубины этого экзистенциального переживания. В английском слово «ученик» происходит от того же корня, что и «дисциплина», и исконное значение слова «ученик» – «способность услышать».

Все слышат, но не так, как ученик. Все слышат, поскольку у всех есть уши. Но ученик слышит не только ушами, но и всем своим существом, всем сердцем. Слушая, он не задумывается – правда это или нет. Это путь слушателя. Ученик просто пьет это знание, впитывает, позволяет ему проникнуть в каждую клеточку своего существа.

Кульминация ученичества – это посвященность. Когда ученик хорошо подготовлен, он переходит на новую ступень, которая означает посвященность. Теперь он не чувствует разграничения между собой и мастером. Теперь тела два, но душа одна. Теперь он даже слышит то, что не было произнесено, он понимает то, что не было обозначено. Он начинает чувствовать вибрацию самого существа мастера. Посвященность абсолютно неведома Западу.

Ты прав: то, что происходит здесь, не принадлежит этому миру. Оно в этом мире, но не принадлежит этому миру. Мы стараемся привнести другой мир – тайно привнести его в этот мир.

Ошо, волшебным ключиком ты открыл для меня выход за пределы дуальности, но одно дело – услышать, а другое – пережить. Вчера ночью случилось чудо. Я люблю азартные игры, и переступить порог казино для меня то же самое, что для других людей быть укушенными змеей в язык и в то же время оставаться в сознании. Вчера ночью мне удалось остаться свидетелем впервые после многих попыток; я потерял деньги, но победа неотожествленности не может быть куплена ни за какие деньги в мире. Ошо, я так счастлив.

Я тоже счастлив.

Неважно, где случается осознанность; важно, что она случается. Если это происходит в казино, тогда казино становится храмом, священным местом. У большинства людей это не случается даже в храмах, в синагогах, в церквях. Для них эти места не святые, потому что они не испытывали там ничего священного.

Место не считается, действие не считается. Считается то, можешь ли ты это сделать, абсолютно не отождествляясь. Пусть это происходит в различных ситуациях – и твое существо будет все больше и больше расцветать.

Ошо, странная история произошла со мной однажды, когда я была маленькой девочкой, возможно, лет одиннадцати или двенадцати. Это произошло на каникулах; я была в ванной комнате и посмотрела в зеркало, чтобы выяснить, опрятно ли я выгляжу. Потом я внезапно обнаружила, что стою на полпути между своим телом и зеркалом, наблюдая, как я сама смотрю на свое отражение.

Это развеселило меня – видеть сразу три «я», и я подумала, что это, наверное, фокус, которому можно научиться. Потом я попыталась показать это своей подруге и попробовала сама проделать это еще раз – но безуспешно. Оглядываясь назад, не могу сказать, что это было свидетельствование; это было ощущение, будто моя сущность вышла из физической формы. Важно ли понять, что случилось с той маленькой девочкой?

Это случается со многими детьми, но вследствие того, что окружающая атмосфера не способствует осознанности, такие переживания не одобряют родители, школа, друзья, учителя. И если ты расскажешь, что случилось с тобой, люди будут смеяться, и ты сама начнешь думать, что что-то пошло не так, что это было неправильно.

Например, все дети во всем мире любят кружиться. И все родители будут останавливать их и говорить: «Ты упадешь». Это правда, есть вероятность, что они могут упасть. Но это падение не причинит особого вреда.

Но почему детям нравится кружиться? Пока кружится тело, маленькие дети могут видеть, как оно кружится. Они больше не отождествляют себя с ним – и это такое новое переживание.

Они отождествлены со всем – отождествлены с ходьбой, отождествлены с едой, отождествлены со всем; что бы они ни делали, как правило, они отождествлены. Кружение – это такое переживание, когда чем быстрее тело движется, кружится, тем меньше возможность оставаться отождествленным.

Скоро они отстают; тело кружится, но их существо не может кружиться. В какой-то момент оно останавливается и начинает наблюдать, как кружится собственное тело. Иногда оно может выйти за пределы тела. Если кружащийся ребенок не останавливается, а продолжает двигаться – кружиться и вращаться на месте, – тогда его сущность может выйти и понаблюдать за ним.

Нужно одобрять и поддерживать такие действия и спрашивать ребенка: «Что ты чувствуешь?» – и говорить: «Это переживание – одно из самых значительных в жизни, поэтому не забудь его. Даже если ты упадешь, ничего не случится; в этом нет ничего, что могло бы навредить. Но то, что ты приобретешь, бесценно». Но их останавливают и в этом, и во многом другом.

У меня было свое детское переживание... Была в моем городе полноводная река – никто даже не пытался переплыть ее в половодье. Она становилась огромной. В обычное время это была маленькая речка, но в сезон дождей ее ширина была, по меньшей мере, с милю. Течение было очень сильным – невозможно было устоять. И было очень глубоко, так что в любом случае там нельзя было стоять.

Я любил это время. Я ждал сезона дождей, потому что это всегда помогало... Наступал момент, когда я чувствовал, что умираю, потому что устал, но еще не вижу противоположного берега, а волны высокие и течение сильное... И не было пути назад, потому что другой берег был так же далеко. Наверное, я находился посередине: было одинаково, что в одну сторону, что в другую. Я был вконец уставшим, и вода тянула меня ко дну с такой силой, что наступал момент, когда я осознавал: «Нет возможности жить дальше». И в этот момент я вдруг видел себя над водой и свое тело в воде. Когда это случилось впервые, это было очень пугающее переживание. Я подумал, что, должно быть, умер. Я слышал, что в момент смерти душа выходит из тела: «Если я вышел из тела, то я мертв». Но я видел, что тело все еще пыталось достичь противоположного берега, поэтому я следовал за телом.

Так впервые я осознал связь между своим существом и телом. Они связаны прямо под пупком – на два дюйма ниже пупка – чем-то похожим на серебряную веревку, серебряную нить. Это не материя, но она сияет как серебро. Каждый раз, когда я достигал противоположного берега, мое существо возвращалось в тело. Первый раз было страшно; потом это стало восхитительным развлечением.

Когда я рассказал родителям, они ответили: «Когда-нибудь ты погибнешь в этой реке. Это знак. Не входи в реку в половодье».

Но я сказал: «Мне это так нравится... Свобода, никакой силы притяжения, и твое собственное тело в отдалении».

Потом я поступил в университет, и один раз это случилось там. Я рассказывал об этом. За университетским городком находился холм с тремя деревьями. Я любил эти три дерева, потому что в общежитии невозможно было находиться в тишине. Поэтому я забирался на дерево. Посередине дерева было очень удобно сидеть – так были расположены ветки, – и я часами сидел там в тишине.

Однажды – я не знаю, что случилось, но когда я открыл глаза, то увидел свое тело лежащим на земле. Это было то же переживание, которое я испытывал много раз в реке, поэтому страха не было.

Но в реке это происходило автоматически: когда тело достигало берега, мое существо возвращалось в него. Я не представлял, как войти в тело; это всегда происходило само собой. Я был в смятении. Я не имел понятия. Я видел нить, соединяющую меня с телом, но как войти в тело, откуда войти? Никто не учил меня технике возвращения. Я просто ждал. Больше ничего не оставалось.

Мимо проходила женщина, которая приносила молоко в общежитие, и увидела мое тело. Она пришла в замешательство. Она прикоснулась к моей голове, чтобы посмотреть, жив я или нет, и в тот момент, когда она прикоснулась, я вошел в тело с такой быстротой, что до сих пор не могу понять, как это происходит.

Но одно стало понятно: если вне тела мужское существо, женское прикосновение поможет ему вернуться в тело. И наоборот: если женское тело вне ее существа, то мужское прикосновение – в особенности ко лбу, где находится «третий глаз»... Она случайно прикоснулась к моему лбу, чтобы понять, жив я или мертв, чтобы понять, что случилось. Она и не предполагала, что я сижу на дереве и вижу все, что она делает. Когда я открыл глаза, она была потрясена.

Она спросила: «Что ты здесь делаешь?»

Я сказал: «Это я хотел вас спросить, почему вы трогаете мою голову».

Она ответила: «Я думала, что произошел несчастный случай. Мне показалось, что ты умер».

Я сказал: «Я почти умер, и я благодарен вам, что вы мне помогли. Благодаря вашему прикосновению я снова вошел в тело».

Она спросила: «Ты хочешь сказать, что сидел на дереве?»

Она была так напугана. Она приносила мне молоко. После этого она перестала заходить в мой домик. Она просто сказала: «Я не хочу встречаться с этим человеком. Он опасен. Я не знаю, что он делал, но он делал что-то опасное».

Мне пришлось как-то остановить ее и сказать: «Не беспокойтесь. Я ничего не делал. Я просто медитировал, и мое тело упало. Вы помогли мне, и я вам благодарен. Больше никто не приносит такое хорошее молоко, как вы, поэтому вы не можете перестать делать это. Если вы все-таки перестанете, я буду сидеть на дереве, там, где вы будете ходить туда и обратно, – запомните это! И мое тело будет лежать внизу, а я буду сидеть на дереве».

Она сказала: «Больше не делай этого. Я буду приносить тебе молоко – настоящее молоко, не разбавленное водой, – но больше такого не делай, хотя бы когда я буду проходить мимо; холм уединенный... там никого не бывает, а мне приходится там ходить, чтобы попасть к себе в деревню». Деревня была как раз за холмом.

И я ответил: «Помните: если вы не будете приходить и приносить молоко, я буду там же проделывать этот трюк. Я могу даже прийти к вам в деревню; я могу это сделать прямо перед вашим домом».

Она сказала: «Я бедная женщина. Не доставляй мне неприятностей».

То, что произошло с тобой, было простой случайностью. Если бы ты проявила упорство, это бы повторилось.

На самом деле, смотреть в зеркало – это один из методов, предписанных тантрической системой, но смотреть нужно довольно долго, чтобы вы стали настолько отождествлены с отра-

жением, что в тот момент, когда вы сделаете шаг назад, ваше тело останется в начальном положении. Для женщины это более вероятно, потому что никто не проводит столько времени перед зеркалом, как женщина.

Мулла Насреддин убивал мух, и его жена сказала: «Хватит. Уже целый час ты их бьешь. Сколько ты убил?»

Он ответил: «Только двух: самца и самку».

Жена спросила: «Как тебе удалось распознать, кто из них самец, а кто самка?»

Он ответил: «Одна из них целый час сидела на зеркале; никакой самец не смог бы столько выдержать. Самец тоже иногда садился туда; но самка просто прилипла к зеркалу».

Есть метод, о котором идет речь в писаниях: вы довольно долго смотрите в зеркало, чтобы стать тождественным своему отражению. Затем вы делаете шаг назад. Ваше тело не делает шаг назад, а ваше существо делает. Тогда вы сможете увидеть три тела.

К слову, если вы каждый день какое-то время будете смотреть в зеркало, каждый день по часу будете просто смотреть в свои глаза, то через несколько дней или несколько недель – у каждого индивидуально – вдруг однажды вы увидите, что в зеркале пусто. Вы стоите перед ним, но в нем пусто. Это тоже сильное переживание. Когда это случится, вы почувствуете потрясающую тишину и умиротворение, неведомые прежде, – как если бы вы прошли через все отражения и вернулись в реальность.

Но это был хороший опыт... Такое случается со многими детьми. Многие люди рассказывали мне о нем, но никто его не продолжил. Так бывает, что однажды это случается, затем человек забывает об этом или думает, что, возможно, он выдумал это, что, возможно, это было что-то вроде иллюзии, сна. Но это реально. Вы вышли из себя, и то, что вы видели, своего рода осознанность вне тела.

Ту же осознанность вы практикуете из тела. Они не отличаются по качеству. И самый простой способ испытать это внетелесное переживание – лечь на кровать, ровно на спину, расслабиться. И когда вы почувствуете полное расслабление, просто отдайтесь ощущению, как вы покидаете тело, всплываете вверх, к потолку. Через несколько дней вы сможете парить над телом. Но позаботьтесь о том, чтобы никто вас не потревожил, пока вы находитесь в таком положении. Потому что, если кто-то потревожит вас и нить оборвется, вы умрете.

Поэтому лучший совет: попроси Кавишу поприсутствовать, чтобы помочь тебе расслабиться и внушить, что твоя душа покидает тело и парит в воздухе. И сверху, с воздуха ты увидишь Кавишу, сидящую в комнате, и себя, ровно лежащую на кровати.

Оставьте только слабый свет свечей и зажгите благовония. Но все, что вы делаете – зажигаете благовония, свечи, – то же самое нужно повторять всегда, чтобы это было тесно взаимосвязано. Чтобы не нужно было все время зависеть от Кавиши.

После двух или трех сеансов, как только ты зажжешь благовония и свечи и ляжешь, сразу же будешь способна вылететь из тела. Но будь бдительна, чтобы никто не побеспокоил тебя, чтобы никто не зашел в комнату и внезапно не разбудил тебя. Иначе исход может быть фатальным. Если нить оборвется, воссоединить ее будет невозможно.

Поэтому сначала попробуй с Кавишей. Она может дать тебе постгипнотические рекомендации, чтобы ты легко могла выходить за пределы тела. И попроси кого-нибудь подождать за дверью, чтобы в течение часа никто не вошел и ты могла остаться в одиночестве.

Когда вы даете себе указание, что душа покинет тело на пятнадцать минут или тридцать минут, ровно через тридцать минут она автоматически вернется в тело.

Никогда не забывайте об этом – потому что вернуться в тело сложно. И если случится так, что... Тогда тот, кто будет стоять возле двери, должен помнить: если это женщина, тогда мужчина должен дотронуться до «третьего глаза»; если это мужчина, то женщина должна дотронуться до «третьего глаза». И душа перетечет обратно в тело. Противоположные энергии нужны для привлечения друг друга.

Глава 4

Оплетать ароматной сетью

Ошо, когда ты говоришь о музыке и танце, это затрагивает что-то глубоко внутри меня, и все мое существо, как губка, впитывает каждое твое слово и жест. Когда ты говорил об осознанности и тотальном погружении в музыку, внезапно я поняла, какой удивительный подарок ты мне сделал, позволив танцевать вокруг тебя, – ничего не было сказано, но должна была прийти осознанность, и она пришла естественно, вместе с полным растворением в танце. Меня переполняют благоговение и благодарность, когда я наблюдаю, как ты направляешь нас так точно и так заботливо, как создаешь ситуации, благодаря которым, приложив совсем немного усилий, мы можем приобрести так много.

Я безмерно благодарна, что имею возможность находиться здесь, с тобой.

Гаян, самое важное в духовном наставничестве то, что оно не должно быть явным. Ведомый не должен чувствовать, что его ведут. Любое явное наставничество приводит к своего рода рабству; ведомый становится зависимым от наставника.

Но направлять неявно очень трудно. Это своего рода убеждение, когда ведомый совсем не чувствует, что ему указывают сделать то, сделать это. Ему подаются знаки с такой сердечностью, что он хочет двигаться туда прямо сейчас. Он осознает, что каждый его шаг направляли – бережно направляли, – только тогда, когда достигает цели.

Теперь нет ни проблем, ни страха. Тот, кто достиг, не может стать зависимым, он может только чувствовать благодарность. Отклик будет totally противоположным.

Если вы явно направляете человека, он будет сопротивляться, потому что вы пытаетесь лепить его личность, вы отбираете его свободу, заставляя двигаться в указанном направлении.

Во-первых, он никогда не достигнет, потому что за этим противодействием, за этим сопротивлением в глубине скрываются гнев и ярость. Он это делает – становится зависимым, допускает определенное духовное рабство – против своего желания.

И это породит неприятие внутри него. Оно не соединит его с мастером; оно возведет стену между ними. Достижение цели в этом случае практически невозможно.

Это замкнутый круг: когда вы делаете все, что вам говорят, внешне вы покорны, готовы служить мастеру – внешне благодарны, но внутри вы сопротивляетесь, упираетесь, злитесь. А сделав все, что говорил мастер, и не достигнув... в этот момент такие люди превращаются во врагов. Вместо того чтобы наполнять их благодарностью, весь процесс способствовал только все большему и большему накоплению злобы.

Но вести человека, когда он абсолютно не осознает, что он ведомый... это как если бы вы уловили в саду аромат и направились в поисках его источника. Вы не будете сопротивляться, упираться, противостоять аромату – хотя он направляет вас. По сути, распространять аромат не что иное, как раскидывать сеть, в которую попадутся восприимчивые и будут все больше и больше приближаться.

И только после того как они достигнут, они обнаружат, что их направляли, что их оберегали, о них заботились – и ни одного слова не было произнесено делать что-либо или не делать. Их свобода не была затронута никоим образом. Они не превратились в рабов.

Я испытывал это на своем опыте: это большая редкость – найти мастера, который направлял бы вас таким образом, потому что каждый такой шаг дается трудно, тяжело. И мастеру нужно быть очень бдительным, очень осторожным, чтобы ученик ни в коем случае не почувствовал себя ниже него. Он должен брать его за руку таким образом, как если бы ученик сам взял его руку в свою. Это настоящее искусство. Он вовлекает, он не навязывает.

Именно поэтому среди мастеров большая редкость найти мастера, который был бы безупречным проводником. В этом отличие безупречного проводника: он не может позволить, чтобы вы осознавали, что вас направляют. Вы приходите к осознанию этого только в самом конце путешествия – и внезапно поднимается огромная благодарность, благодарность за все те трудные окольные пути, которыми пришлось идти мастеру, чтобы никак не задеть вас, не сделать зависимым. Наоборот, наделяя вас все большей и большей свободой, он действовал как друг.

Но не всех учеников возможно направлять таким образом. Меня спрашивали много раз, почему женщин так привлекают моя философия, мой образ жизни. Я давал некоторые ответы, но истинный ответ в том, что женщина – более способный ученик, чем мужчина, она осознает всю тонкость наставничества без прямых указаний. Она действует не через ум, которому нужно прямое, четкое руководство.

«Просто дай мне десять заповедей» – это язык мужчин. Но есть мужчины, имеющие такое же чувствующее сердце, как и женщины. Они могут стать прекрасными учениками, но все равно их процент будет меньше, чем среди женщин.

Но и среди тех мужчин, у которых нет сердца, которые живут, руководствуясь только умом, многие могут приблизиться к мастеру – заинтересованные интеллектуально, опирающиеся на свой рассудок, – и может оказаться, что они хорошо его поняли, лучше, чем кто-либо еще... Их умственное понимание будет более точным.

Царство сердца – это не царство расчета или логики; это поэзия, это музыка. Ты можешь ими наслаждаться, но не можешь понять их.

Мне вспомнился один великий английский поэт – Кольридж. Хотя он и закончил не более семи стихотворений за всю свою жизнь, он тем не менее считается одним из величайших англоязычных поэтов, потому что имеет значение не количество, а качество. Когда он умер, он оставил почти сорок тысяч неоконченных стихотворений.

Всю его жизнь его друзья постоянно докучали ему: «Ты, кажется, ненормальный! У тебя есть такое богатство! Всего несколько стихотворений сделали тебя великим поэтом; если бы ты смог создать сорок тысяч стихов такого качества, наверное, во всем мире не было бы равных тебе – во всей истории человечества, прошлой, настоящей и будущей. Почему ты откладываешь неоконченные стихи?»

Он ответил: «Вы не понимаете; я не могу этого сделать. Пока существование не поведет меня так обходительно, чтобы я не ощущал себя ведомым, чтобы не чувствовал давление и нажим, я не собираюсь это делать. Эти стихи – стихи моей свободы. С моей помощью само существование становится свободным. Этим стихам придется подождать».

Иногда в стихотворении недоставало лишь одной строчки, и его друзья-поэты говорили: «Ты можешь сам сочинить эту строчку».

Он отвечал: «Так не выходит. Я пробовал, но качество настолько разнится, как небо и земля. Я могу обмануть других, но я не могу обмануть себя. Я подожду; когда придет существование – не принуждая меня, потому что я не могу это делать по принуждению – и склонит меня, вдохновит меня, и только потом я осознаю, что был направлен, только тогда я закончу стихотворение».

Это случилось однажды в Лондонском университете... Профессор, который преподавал литературу, наткнулся в стихотворении Кольриджа на строчку, смысла которой никак не мог уловить. Он был искренним человеком; он сказал своим студентам: «Я не могу найти ей никакого разумного объяснения. И я не хочу обманывать вас. Кольридж живет со мной по соседству; он стар, но, так как я его сосед, мне позволено навещать его. Я пойду к нему сам и спрошу о смысле этой строчки».

На следующий день он направился к Кольриджу и спросил его. Кольридж просмотрел все стихотворение и сказал: «В ней есть смысл. Когда я написал ее, смысл знали два человека. Теперь знает только один».

Услышав о том, что только два человека понимают смысл, профессор испугался: где же ему искать этих двоих людей? А когда Кольридж сказал: «Теперь знает только один», профессор испугался еще больше. Оставалась только одна надежда, и он спросил: «Но этим одним должен быть ты?»

Кольридж ответил: «Нет. Когда я писал ее, я знал, и Бог знал. Теперь знает только Бог; я не знаю. Это прекрасная строка; но, увы, я не могу вспомнить. В сущности, не я писал ее».

Он назвал существование Богом, вот и все – никакой разницы. Он говорит: «Не я писал ее. Написано мной, но необъятная, значительная энергия склоняла меня, вдохновляла меня на ее написание. Меня использовали как инструмент, как проводника».

Это слово «проводник» напоминает мне то, о чем говорит Гаян, что когда она танцевала и пела вокруг меня, то полностью растворилась в танце, в пении и даже не предполагала, что ее направляют. Я ни разу не обмолвился о наставничестве; я оставил это для нее. Она может танцевать так, как ей нравится. Но я рядом.

Она танцевала вокруг меня, поэтому она не могла обойтись без моего присутствия. А мое присутствие склоняло ее идти все дальше и дальше, все глубже и глубже. Невысказанное, неслышное... но наставничество было. Теперь она вспоминает, оглядываясь назад, то удивительное переживание, через которое она прошла, которое изменило ее навсегда. Она не может отступить; она может идти вперед, но не назад.

Сначала она, должно быть, думала, что это просто красиво: «В даршане танец должен быть просто украшением». Но мало-помалу она вовлеклась в него. Если бы я сказал, что есть правила, которым нужно следовать, она бы не смогла быть в нем тотально; эти правила стали бы помехой.

Мужчина вы или женщина, путь истины – это путь сердца. А пути сердца нельзя научить, можно лишь вдохновлять, будоражить, побуждать к новым изысканиям... привлекать, но не повелевать.

Она задала прекрасный вопрос, который поможет многим. Слова «приказ», «руководство», «заповеди» – это все слова ума. У сердца нет подобных слов; оно знает только вдохновение, воспламенение неведомо отчего... но оно настолько заманчиво, настолько прекрасно, что сердце следует за ним.

Но многие религии разрушили путь сердца, потому что было недостаточно мастеров, умеющих обращаться с ним. Это тонкое умение, тончайшее. Легко обращаться с учителями, учениями, наставлениями, обучением ума, но ум не имеет ничего общего с религией.

Однажды я возвращался с реки и увидел мальчика, который производил впечатление дурака; он пытался тащить корову домой. Корова, должно быть, пошла к реке и не хотела возвращаться домой, а она была гораздо сильнее мальчика. Он старался изо всех сил.

Я стоял там и наблюдал. Не мальчик тянул корову, корова тянула мальчика. А он кричал на нее и просил людей о помощи: «Эта корова, похоже, сошла с ума!»

Я сказал: «Никто с ума не сошел; просто ты не знаешь, как загнать корову домой».

Он спросил: «А как ты загоняешь корову домой?»

Я сказал: «Брось веревку и вместо нее возьми немного зеленой травы, иди впереди – и корова пойдет за тобой. Это воздействие; ты не принуждаешь. Корова свободна; она может идти к реке или куда она еще захочет... но от этой зеленой травы она никуда не сможет уйти».

Наставничество – это абсолютно то же самое. Ты должен вдохновлять, а не провоцировать. Ты должен быть очень учтивым и смиренным, не подавая и намека, что другому предписано что-либо делать. Ты должен быть манящим, предлагающим, позволяющим человеку попасть в энергетическое поле, где все начинает свершаться само собой.

У мужчин проблема в том, что многим недоступен язык сердца. Рано или поздно они выпадают из системы. И когда они выпадают, начинаются недоразумения. Люди спрашивают их: «Почему ты ушел?» А ум не хочет отвечать: «Я не знаю». Уму приходится выкручиваться, чтобы оправдать себя: «Я вынужден был уйти, потому что это неподходящее место».

В действительности, это вы были в неподходящем состоянии. Вы пытались выполнить работу, которая может быть сделана только сердцем, другим способом – умом. Вам не удалось. Сначала все будет получаться, но скоро наступит момент, когда вам придется обратиться к сердцу, потому что ум может продолжать ходить вокруг да около, но никогда не достичь центра.

И те, кто слишком глубоко укоренен в интеллекте, не могут оставить его; это их облачение, их пожизненное облачение. И поэтому вместо того, чтобы идти к росту, к благодарности, они уходят пустые, раздраженные, неблагодарные и говорят вещи, которые, подумав как следует, никогда бы не сказали. И все, что они говорят, оборачивается против них, потому как что же вы делали десять лет с этим человеком? Вам понадобилось целых десять лет, чтобы понять, что это неподходящее место? Тогда даже через десять жизней вы не найдете подходящего места. Вы просто умственно отсталый.

Отзывчивое сердце, у мужчины ли, у женщины, имеет неизмеримое значение для роста, для эволюции самосознания.

Ошо, я вспоминаю прекрасную историю Германа Гессе. Женищина беременна, и старик-мудрец говорит ей, что в подарок своему ребенку она может загадать одно желание. Она желает, чтобы ее ребенка все любили. Желание исполнено, и, хотя маленький мальчик и плохой, все его любят. К тому времени, как он стал молодым человеком, у него было все, что он только хотел. Но он так несчастлив, что готов покончить с собой. Тут старик-мудрец появляется вновь и объявляет, что он может загадать одно желание. Молодой человек желает научиться любить каждого вместо того, чтобы все любили его. Его желание исполнено. Его красивое лицо становится старым и уродливым, и весь город отворачивается от него. Его забрасывают камнями, он не может найти ни еды, ни одежды. Но его переполняет любовь, и каждая мелочь в его жизни вызывает прилив чувств. Он решает совершить паломничество и однажды холодной ночью встречается того самого старика-мудреца, который принимает его с большой любовью. Паломник обнимает старика-мудреца и снова становится невинным ребенком. Ошо, не мог бы ты пояснить?

Герман Гессе – один из представителей западного мышления, который подошел очень близко к восточному мировоззрению. Возможно, не существует человека его уровня, который бы понимал Восток лучше. Эта история указывает на его понимание восточной философии любви.

Первое желание, которое загадывает мать, – чтобы ее ребенка все любили. Просто глядя на слова, вы не поймете, что за ними скрыто. Он становится молодым человеком, у него есть все, он красив. Хотя он и невоспитан, он избалован, так как все его любят, несмотря ни на что. Но он недоволен. Когда он вырастет, события развиваются таким образом, что он хочет покончить с собой.

Это история обо всех тех, кто хочет быть любимым. Почему он в таком отчаянии? Он должен быть счастлив. Чего еще можно желать? – все вас любят, несмотря ни на что. Но для наблюдательного взгляда в этом что-то есть: когда вы всеми любимы, вы становитесь объектом любви. Вы теряете свою индивидуальность, вы теряете свою чистоту, вы теряете свою природу. Вы становитесь объектом. Все любят вас как прекрасное произведение искусства, – но никто не хочет становиться объектом.

Вот о чем забыла его мать. Вот о чем забывают миллионы людей во всем мире. Желание кажется совершенным, но его скрытый смысл очень опасен. Прежде всего, это опускает вас с высоты субъективного самосознания до предметной сущности. Все любят вас, не задумы-

ваясь, достойны вы этого или нет. И вы *не* достойны этого; они вас любят из-за благодеяния этого старика-мудреца. Их любовь испортила вас; вы абсолютно недостойны. Вы понимаете, что недостойны, но люди все равно любят вас. В вас поднимается огромное чувство вины, что что-то пошло не так.

Любовь нужно заслужить. Незаслуженная любовь как попрошайка: не прикладывая никаких усилий, он протягивает вам свою кружку для подаяния. Человек хочет, чтобы все было заслуженно; он хочет быть достойным этого. Он не должен быть простым попрошайкой. Но он превращается в объект, он превращается в попрошайку. А мальчик не испытывал любви ни к кому, потому что этого не было в желании. Вы видите: он не мог понять, что значит любить.

Огонь должен гореть одновременно с обеих сторон.

В нем нет огня; он смертельно холодный, ледяной. Он никогда никого не любил. Вам понятны страдания человека, который никогда не любил, – он не знает, что такое любовь. По благословению все его любят, но, по его представлениям, никто не любит его, потому что он не знает, что это за чувство – любовь. Он никогда никого не любил – как он может знать?

Поэтому вся любовь, окружающая его, бессмысленна. По его представлениям, никто не любит его. И он не понимает смысла желания своей матери, смысла дара старика-мудреца. И даже если бы он понимал, это не изменило бы ничего.

Чтобы понимать любовь, ты сам должен любить.

Только тогда ты сможешь понять любовь.

Миллионы людей страдают: они хотят быть любимыми, но они не знают, как любить. А любовь – это не монолог; это диалог, очень сбалансированный диалог.

Столько любви изливается на этого человека, но, тем не менее, он решает покончить с собой... потому что удовлетворение приносит не то, что дают вам люди, а то, что вы даете людям. Удовлетворение приходит не к нищим, удовлетворение приходит к императорам, и именно любовь делает вас императором, когда вы даете. А вы можете дать так много, неисчерпаемо много, и чем больше вы даете, тем более качественной, более развитой, более ароматной становится ваша любовь – тем больше в ней удовлетворения.

Но бедный парень попал в трудное положение. Все любили его, а он не знал, что такое любовь. Пресытившись этой любовью, он решает покончить с собой. Старик-мудрец появляется снова, потому что он знал, что именно так все и будет. Мать загадала желание – отличное желание, по ее мнению, но не по мнению мудреца. Он знал, что такое желание приведет к самоубийству. Он говорит: «Я могу исполнить одно твое желание». И очевидно, что попросит мальчик, ведь именно этого ему не хватало.

У этой истории огромный методологический смысл. На поверхности вы можете не понять ее, но внутри все очень логично. Второе желание подтверждает то, о чем я вам говорил. Он говорит, что не хочет, чтобы другие любили его, он хочет сам любить других. Этим он показывает, что первое желание без второго бессмысленно. Он хочет любить всех.

Но здесь история может показаться вам странной, потому что в момент исполнения желания молодой красивый человек становится старым и уродливым. Это означает, что только с возрастом люди приходят к осмыслению того, что они упустили в жизни: они никогда не любили. Всю свою жизнь они хотели, чтобы их любили другие, и были несчастны. Они всегда хотели заполучить как можно больше любви; они были алчными.

В конце жизни, когда о них начинают забывать, потому что они стали старыми и уродливыми, они оглядываются на всю свою жизнь, на то, что упустили, и делают открытие: они никогда не отдавали, они только требовали. Обычно это происходит слишком поздно. Теперь невозможно найти людей, которые принимали бы их любовь.

Во всех языках есть выражение «грязный старикашка» – во всех языках одинаковое выражение, потому что в старости, когда он больше не молод и не красив, когда все стало уродливым и он готов к смерти, приходит осознание, что он упустил одну вещь. Именно поэтому

вся его жизнь была пустой и бессмысленной; он никогда не любил, он никогда не давал. И теперь он хочет любить людей. Но кто хочет любить старого и уродливого человека? Он омерзителен. Его любовь – жажда. Не любовь, а жажда умирающего человека.

В этом значение того момента, когда молодой человек, приняв дар старика-мудреца, вдруг становится старым и уродливым. Исполнено его желание любить. В этом вся история человечества: теперь он может любить, но никто не хочет его любви; теперь он может давать, но все отстраняются от него. Он омерзителен. Разговоры о любви в далеком прошлом; никто не хочет даже сидеть рядом. Он уже умер наполовину, но хочет вас любить. И, естественно, он хочет любить молодую, красивую, и, разумеется, ему откажут.

Он перешел из одной крайности в другую крайность; сама по себе каждая из них – только половина целого, никакая крайность не может принести удовлетворения. Осознав, что не приносит удовлетворения ни то, когда люди изливают на него свою любовь, ни то, когда он любит людей, – потому что теперь трудно найти человека, которого можно любить, – он совершает паломничество и в последний раз встречается мудреца.

Мудрец знал, потому что это диалектика: мать выбрала одну часть, которая оказалась ошибочной; он выбрал другую часть, которая окажется ошибочной. Вместе правильно, не по отдельности.

И теперь, понимая, что обе не оправдали ожиданий, он приходит к некоторому высшему пониманию и осознает, что полярности несостоятельны. И когда он встречается старика, тот обнимает его – и он опять как невинный ребенок – таким ребенком принесла его мать на благословение старику-мудрецу. Жизнь совершила полный круг; он снова как маленький ребенок.

Это очень важно, потому что каждая неудача в жизни приносит вам немного понимания, немного высшего понимания. И именно немного понимания и немного высшего понимания двойственности дают вам еще одно рождение после смерти – снова как невинный ребенок; еще одна возможность не попасть в ту же самую ловушку. Но люди продолжают попадать в одну и ту же старую ловушку; это становится обычным делом.

Детская невинность будет приходить после каждого краха крайности – после краха обеих крайностей. Но вы можете снова начать всю эту игру с самого начала...

На Востоке правы, говоря, что колесо жизни катится по одной и той же колее, с теми же неудачами, попадает в те же выбоины, с теми же несчастьями – и никто ничему не учится. Если же кто-то учится, и высшее понимание дуальности перестает быть даром святого и становится собственным пониманием – оно вырастает из самого существа, – тогда больше нет необходимости в новом рождении.

Это я называю просветлением – понимание того, что крайности несостоятельны. Оставайтесь посередине, точно посередине, где останавливается маятник и останавливаются часы, где останавливается время – нет движения, нет желаний, нет цели, некуда идти, быть здесь и сейчас.

Теперь, когда эта невинность поднимается в вас, когда это присутствие зарождается в вас, вам не нужно следующее рождение. Ваше обучение в этом мире завершено. Теперь вы можете быть допущены к более полному существованию вместе со всеми пробужденными.

Эта история и правда очень красива; попробуйте заглянуть глубже в ее подтекст. Есть тысячи историй как эта, которые люди просто читают как рассказы. Часто их можно встретить в книгах для детей, которые не могут ничего осознать; они просто читают рассказ.

Эти истории необходимо читать тем, кто медитирует, в ком больше нет детскости, кто достиг определенной зрелости, чтобы они могли открыть для себя скрытый смысл этих историй.

Если вы встретите где-нибудь такие истории, можете приносить их мне. Они содержат в себе премудрость веков.

Ошо, я думаю, что изменилась за те двенадцать лет, что провела с тобой, но мне очень сложно описать, как именно и до какой степени. Тем не менее, я вижу, что другие в твоём окружении изменились. Я также могу вспомнить и проследить, как менялось мое отношение как ученицы к тебе как моему мастеру. По сути, для меня это было тем стержнем, вокруг которого происходили все изменения. Моя связь с тобой была как свет, как эталон, как компас.

Важно ли понимать, какие изменения произошли с тобой?

Нет. Если происходят правильные изменения, то ответ «нет». Если вы чувствуете себя хорошо, если вы чувствуете гармонию внутри себя, то ответ «нет». Но если что-то идет не так – изменения происходят, но вы становитесь хуже, – тогда да, вам нужно задуматься об этом.

Запомните: думать нужно только тогда, когда становится хуже. Когда все нацелено на существо высшего порядка, размышления – помеха.

Примерно так: если вы здоровы, вы не задаетесь вопросом, нужно ли вам к доктору на обследование, потому что чувствуете себя вполне здоровым, даже более чем здоровым. Ответ будет «нет». Но если вам нездоровится, ответ будет: «Да, идите к доктору».

Поэтому мой ответ зависит от твоего самочувствия. Если ты чувствуешь, что растешь, становишься более молчаливой, более спокойной, более любящей, более сострадающей, постигающей высшие ценности, достигающей звезд, тогда нет необходимости думать, какие изменения происходят и почему они происходят, потому что все эти размышления станут помехой – они остановят рост. В этом случае забудь о размышлении; вложи свою энергию, всю, тотально, в рост.

Но если ты чувствуешь, что что-то идет не так: больше напряжения, больше мучений, больше страданий, больше отчаяния – тогда, конечно, ты должна задуматься, в чем причина, почему ты отстаешь вместо того, чтобы расти.

Ошо, Шекспир, описывая двух персонажей в двух своих пьесах, использовал высказывания, которые часто приходили мне на ум все те годы, что я знаю тебя. Они точно о тебе.

О герое он писал: «Он, человек, шагнув над тесным миром, возвысился, как Колосс».

И о героине: «Над ней не властны годы... Не прискучит ее разнообразие вовек».

Ошо, наши слова настолько несовершенны, а желание выразить, что это значит для нас, настолько сильно. В тебе воплотилось все самое тонкое и чистое, самое возвышенное и прекрасное. В твоих учениках пустила корни невыразимая тишина, которая обретет дар речи и станет живым воплощением тебя.

Не стоит... Я могу понять желание описать свои чувства. Ты посвятила мне всю свою жизнь; ты отдала мне всю себя. Естественно, должно было возникнуть желание описать человека, которого ты встретила.

Все слова будут казаться несоответствующими.

Но не стоит: я вижу в твоих глазах, я вижу в твоих слезах, я слышу в твоём смехе, я слышу в твоём молчании все то, что ты хочешь сказать... и что ты не можешь выразить это словами.

Глава 5

Сама основа одного мира

Ошо, в японском языке слово, обозначающее любовь, – это изображение человека с полным желудком, стоящего на коленях и поднимающего обе руки в знак дарения. Изображение означает: «Я так полон; пожалуйста, позволь мне поделиться, пожалуйста, возьми у меня». Ошо, действительно ли языки тех культур, которые используют символы, более защищены от обесценивания смысла, как это происходит, например, в английском языке со словом «love» («любовь»)?

Такие языки, как японский или китайский, несомненно, больше защищают основное свойство слова. Но это графические языки.

Графический язык – язык бессознательного ума. Вот почему вы видите сны в бессознательном состоянии.

Графический язык – также язык ребенка, который может мыслить только образами, но не буквами. Вот почему в детских книгах вы видите большие, яркие картинки. Но по мере того как ребенок растет, картинки начинают становиться все меньше и меньше и в конечном счете исчезают, их место занимают абстракции – буквы алфавита.

Знаковые языки тоже обладают определенными преимуществами; поэтому они победили в борьбе с незнаковыми языками. Их легко выучить.

В некоторых языках только двадцать шесть букв; все слова составлены из этих двадцати шести букв. В санскрите наибольшее количество букв – пятьдесят две. Больше невозможно, потому что вы не в состоянии произнести более пятидесяти двух звуков. В то время как в английском языке многие звуки, существующие в природе, отсутствуют – в нем только одна «с», тогда как в санскрите целых три – санскрит настолько совершенен, насколько только может быть язык.

Но санскрит тоже проиграл в состязании языков. Он очень поэтичен, как арабский и другие древние языки, но невозможно заниматься наукой с помощью поэзии, невозможно заниматься математикой с помощью поэзии. Нужен более строгий стиль. Поэзия ближе к эмоциям и субъективному; проза ближе к фактам и объективному миру. А мы имеем дело с объективным миром. Очень немногие люди имеют дело с субъективным.

Поэтому языки, которые больше склонялись к субъективному, к поэтическому, отошли на задний план, а графические языки очень сложны. Если вы не рождены китайцем или японцем, изучение такого языка займет у вас половину жизни. Это слишком много – тридцать лет – потому что вам нужно будет запомнить столько изображений всего... столько символов. Хотя в этих языках невинность ребенка, чистота...

И они не настолько подвержены искажению, потому что для каждого нюанса значения у них есть свой символ. Например, «любовь»: люди любят самые разные вещи. Люди любят свои машины, люди любят свою одежду, люди любят свою пищу, люди любят свои дома, люди любят своих жен, своих друзей, своих мужей – одно слово используется для такого множества вещей. Естественно, оно теряет свою чистоту.

Вещь нельзя любить так же, как человека. А если вы любите их одинаково, вы не знаете, что такое любовь. Любовь должна иметь определенные характеристики. Но язык не располагает таким количеством слов – есть только одно слово на все. Так проще: меньше путаницы, более практично, но невозможно сохранить чистоту слова.

Этот японский символ любви – человек с большим животом, отдающий обеими руками, – может быть истолкован только одним способом; двух толкований нет. Он говорит, что вы настолько полны, что хотите поделиться. Это беспримерность любви: когда возникает желание

не взять, а дать. А дать вы можете, только когда вы переполнены; вы можете поделиться, только когда у вас этого слишком много – в избытке.

Изображение говорит об этом вполне определенно. Но тогда вам нужно будет запомнить миллионы символов для каждой мелочи в этом мире. А это слишком трудоемко, слишком утомительно; для каждой мелочи свой символ. В китайском языке символ борьбы или войны – это одна крыша, и под одной крышей две женщины. Он показывает, что если у вас две жены, то будет вечная борьба. Это символ для всех видов борьбы.

На самом деле, он очень цельный. У него своя красота и определенное значение, которое непросто исказить; следовательно, вы не найдете в китайском или японском языке никаких пояснений к писаниям. Пояснения означают, что возникает потребность в истолковании.

В санскрите вы обнаружите тысячи комментариев к одному писанию, потому что санскрит очень субъективный, и эмоциональный, и поэтический язык, способный тонко отразить каждый нюанс чувства, настроения – весь спектр. Он добивался совершенства, и он почти достиг его. Но в стремлении к совершенству он утратил человечность.

У каждого слова много значений – множество значений, – потому что все звуки имеют свое буквенное обозначение. Он стремился к тому, чтобы ни одно явление в жизни или существовании не осталось без названия. Но даже при пятидесяти двух буквах невозможно охватить все существование, поэтому у каждого слова множество значений. Это наделяет его очень пластичной красотой, потому что поэтам гораздо легче играть словами, когда существует такое множество значений. Но это порождает такое новое явление, как истолкование.

Кришна выражал свои мысли в «Шримад Бхагавад-гита», и к ней прилагаются тысячи толкований. Одна и та же строчка может быть истолкована тысячами способов. Теперь это настоящие дебри толкований – невозможно понять, что Кришна хотел сказать на самом деле.

Это стало уникальным явлением – нигде в мире такого еще не происходило: Шанкара пишет истолкование Кришны, затем пояснения самого Шанкары начинают вызывать сомнения – что он имел в виду? Затем ученики Шанкары начинают писать свои комментарии к его комментариям, и так далее и тому подобное, поколение за поколением.

Гита Кришны осталась далеко позади. Вы не найдете даже ее отголосков, потому что от одного толкования к другому толкованию изменяется акцент. Человек, пишущий пояснения к Шанкаре, не рассматривает Кришну, он рассматривает Шанкару, наделяя определенным смыслом труд Шанкары. И тут же другие ученики пытаются делать то же самое, соревнуясь друг с другом, поэтому появляются сотни толкований Шанкары. Затем эти люди в свою очередь выпускают учеников, которые будут писать комментарии к их комментариям.

Исследовать индуистские писания, как попасть в страну чудес. Как люди играют словами, находя все новые значения, противоречащие одно другому! И нет способа определить, кто из них прав, потому что язык допускает все эти значения.

Из-за такой гибкости санскрит не может стать языком науки, хотя в нем есть красота. Чтение на нем почти как пение. В нем гибкость, не монополия. Все свободны в своем выборе значений, в извлечении из них философского смысла, какого никто прежде не извлекал. Для него характерна свобода мысли, но именно это обрекает его на отсутствие упорядоченности. В науке такое невозможно.

Графические языки, как, например, японский, очень систематичны. Их значения обладают только одним смыслом. Толкований не требуется, значения заложены в символах. Но требуется столько символов, что настолько объемный язык не может быть использован в качестве международного, потому что, если вы не впитывали его терпеливо с самого детства, вам понадобится полжизни только на его изучение; вопрос об использовании даже не стоит. Жизнь так коротка, люди спешат, смерть так близко, что это будет совершенно бесполезной тратой времени – тридцать или больше лет запоминать символы.

Все языки мира имеют свою особую выразительность, но вместе с ней и свои проблемы.

Гита задала очень важный вопрос. Это правда: в английском или в любом другом языке, использующем алфавит, ни одно из слов не может остаться чистым, потому что его придется использовать для обозначения многих вещей. В разных контекстах оно оскверняется, загрязняется, а люди даже не отдадут себе в этом отчета. Кто-то говорит: «Я тебя люблю» так же, как он говорит: «Я люблю курить». Он не понимает, что любовь к курению и любовь к человеку нельзя помещать в одну категорию; здесь не может быть одинакового смысла. В этом смысле английский язык беден.

В санскрите, если друг друга любят брат с сестрой, для этого есть слово, которое автоматически исключает сексуальные отношения. Это любовь, но не та, которая возникает между мужем и женой. Для них есть другое слово. Для родителей есть еще одно слово, потому как то же самое слово в этот раз не может быть использовано. В этом слове должны присутствовать некоторая благодарность, некоторое уважение, почтение. А когда вы употребляете его по отношению к вещи, опять же, оно не может относиться к чему-либо еще – у него должна быть своя категория. Это будет больше похоже на предпочтение, а не на любовь.

Но тогда возникает такое множество слов, язык становится неуправляемым, и при незначительных изменениях меняется и значение слов. Кроме того, каждый язык имеет свое происхождение.

Я думал, что должен быть язык, который бы сочетал в себе все лучшие особенности всех языков и исключал бы их сложности, но, похоже, это невозможно. Были попытки создания таких языков, к примеру эсперанто, но они не приживаются: они надуманные, искусственные.

Было бы прекрасно, если бы весь мир пользовался одним языком. Это бы очень помогло сблизить человечество. Это было бы одним из самых серьезных шагов против войны – изначальная основа для взаимопонимания – потому что большая часть конфликтов происходит вследствие непонимания, а язык играет важную роль для понимания или непонимания.

Люди пытались создать искусственный язык, который бы признал весь мир, но ни одно усилие не увенчалось успехом по достаточно простой причине. Язык, который вы учили с рождения, проник так глубоко в ваши кости, в вашу кровь, в самую вашу суть, что он уже практически часть вас. Что-то можно привить поверх него, но это не будет в радость. Ради чего тогда себя обременять?

Родной язык проникает так глубоко в ваше существо... Один из моих профессоров, С. К. Саксена, который прожил почти всю свою жизнь на Западе, учась, затем уча, профессорствуя, вернулся в Индию только в преклонном возрасте. Но он признался мне: «Странно, я должен тебе признаться, что, хотя я и прожил почти всю свою жизнь на Западе, до сих пор, влюбляясь в женщину, я хочу говорить с ней на моем родном языке. Разговоры не на родном языке кажутся мне поверхностными».

И в ссоре вы забываете привитый язык. Вам удобнее ссориться на родном языке.

Есть замечательный факт из жизни прославленного императора Боджа. Он был известен тем, что привечал людей, талантливых в самых разных областях. При его дворе было очень много талантливых людей. Со всей страны он собрал лучших – самые сливки – во всех направлениях, во всех областях. Там были лучшие ученые, лучшие философы, лучшие певцы, лучшие поэты.

И вот однажды появился человек и бросил вызов Боджу: «Ты очень гордишься своими так называемыми учеными. Я бросаю вызов твоим ученым – пусть определяют мой родной язык. Я говорю на тридцати языках; я буду говорить на этих тридцати языках, и если кто-нибудь сможет определить, который из них мой родной, то я дам ему сто тысяч золотых рупий. Если он проиграет, тогда он должен будет заплатить мне столько же – вызываю всех».

В первый день он рассказал несколько отрывков на одном языке, потом на другом, потом на третьем. Несколько человек попытались отгадать и проиграли. Только один человек, поэт Калидас – индийский Шекспир – оставался в молчании по той простой причине, что вызов был

брошен ученым, а не поэтам. Но он наблюдал за этим человеком очень внимательно. И после тридцати языков – и по меньшей мере пятнадцать человек уже потеряли свои деньги – даже Калидас не мог найти даже маленькой зацепки, как определить, который язык его родной.

Когда все ученые завершили соревнование – никто больше не был готов принять вызов, зная о судьбе пятнадцати наиболее выдающихся придворных ученых, – Калидас обратился к человеку: «Я не мог сегодня принять участия, потому что ты не пригласил поэтов. Ты пригласил только ученых. Будет очень любезно с твоей стороны, если завтра ты дашь шанс поэтам».

Человек был просто счастлив. Он сказал: «Я буду продолжать столько, сколько вы захотите. Поэты, певцы, музыканты, танцоры, теологи, философы... кто угодно. Я могу приходить хоть каждый день».

На следующий день Калидас стоял перед воротами со всеми придворными и императором. Он попросил их там постоять, чтобы встретить и поприветствовать гостя. Они сказали: «Это необязательно», – но он ответил: «Это часть моего плана – просто стойте здесь».

По меньшей мере сто мраморных ступенек вели во дворец. И когда человек достиг верхней ступеньки, Калидас толкнул его. Он потерял равновесие, покатился вниз и стал кричать. Калидас сказал: «Вот твой родной язык!» – и человеку пришлось согласиться, что это был его родной язык.

«Но, – сказал человек, – это неправильно».

Калидас ответил: «Другого выхода не было – или любовь, или ссора. Что-то, в чем нельзя притвориться».

Я рассказал эту историю доктору С. К. Саксене. Он ответил: «Эта история – истинная правда; я проверил это на своем опыте. Я любил многих женщин, но это всегда было неглубоко, потому что я не мог говорить на своем родном языке. Я не мог сказать, как сильно я люблю. А сказать это на другом языке значило перевести; это не первоисточник».

В мире существуют тысячи языков, и никто не хочет оставить свой язык. Единственное, что, кажется, можно сделать, это разрешить всем иметь два языка.

Один международный – и английский идеально для этого подходит. Он современной, чем любой другой язык. Каждый год он пополняется на восемьсот слов. Ни в каком другом языке этого не происходит. Он постоянно обновляется, он идет в ногу со временем. Сейчас, кажется, это единственный язык, который растет, а будущему нужен постоянно растущий язык, растущий во всех направлениях, чтобы он был максимально полным.

Но он не может удовлетворить потребность в родном языке.

Поэтому каждый должен с детства учить два языка. Каждый человек должен владеть двумя языками. И преодолеть разрыв можно, только если оба языка внедряются с самого начала. А не так что до определенного возраста учат родной язык, а потом уже другой; в этом случае второй язык никогда не достигнет той укорененности, какой обладает родной язык.

Любые попытки вроде эсперанто обречены на провал. Они насильственные. Берется все лучшее из одного языка, из другого – смешали. Но у языка есть органическая целостность, которая отсутствует в эсперанто.

Один из моих друзей, саньясин, традиционный саньясин, Свами Сатъябакта, изобрел свой язык. Он был лингвистом, знал много языков и разрабатывал новый язык, который мог бы стать мировым языком. Он часто проводил время со мной. Я говорил ему: «Не трать свою жизнь впустую. Многие пробовали, но из этого ничего не получилось».

Я рассказал ему небольшую историю. Отмечали день рождения Чарльза Дарвина. Он много рассказывал о птицах, насекомых, животных – и так всегда. И его детям, и соседским нравились эти истории об экзотических странах, где он побывал, и о различных животных, которые там водятся.

У детей возникла идея: «Давайте посмотрим, поймет он или нет...» Они поймали десять или двенадцать насекомых, отрезали у них кусочки – у кого-то лапки, у кого-то голову, у кого-

то крылья, у кого-то хвост – и склеили все это вместе. Получилось насекомое. Они хорошо скрепили его и поместили в рамочку, чтобы подарить на день рождения. Дарить пришли все вместе. Они сказали: «У нас только один вопрос. Мы нашли это насекомое; мы хотим знать, как оно называется».

Он посмотрел на насекомое. Он в жизни ничего подобного не видел... и прямо по соседству! И где эти дети поймали его? Он ездил по всему миру... Затем он пригляделся и понял, что это не одно насекомое. Они очень ловко все придумали – склеили вместе разные части. И он сказал: «Оно называется „лжежук“»!

Все эти насильственные языки – лжежуки. Вы можете сформировать их, но они не жизнеспособны.

На обширной территории Дальнего Востока используются неалфавитные языки, и в будущем китайскому или японскому языку будет очень трудно выживать, потому что они не подходят для науки; они слишком объемные. Науке нужны точность, простота, прямота. Она хочет использовать насколько можно меньше букв. Это основная научная аксиома: используй как можно меньше гипотез, иначе все усложнится.

Поэтому, учитывая будущее мировой науки, я не думаю, что смогут выжить китайский, японский или другие родственные им языки Дальнего Востока. И это будет печально, если они не выживут; они обладают своей особенной красотой.

Единственный способ для них выжить – это признать один язык международным и использовать его для всех научных и международных контактов и исследовательской работы – тогда их родной язык сможет идти своим прежним путем, со своей прежней красотой и прежними слабостями. Если это не будет сделано, тогда либо они будут отставать от научного прогресса, либо им придется убить свой собственный язык.

В Индии существует та же проблема. Там в ходу тридцать основных языков, у них у всех своя особая красота, своя специфика. Хинди – наиболее широко распространенный язык, на протяжении сорока лет его пытались сделать национальным языком. Но не получилось: он, возможно, и язык большинства, но все остальные языки вместе...

По сравнению с каждым отдельным языком хинди – основной язык. Сорок процентов населения говорят на нем, никакой другой язык не обладает этим большинством. Но на всех остальных языках вместе говорят шестьдесят процентов; поэтому в споре большинство у них. Если будет голосование, они победят хинди. Они недружелюбны друг к другу, они против друг друга, но когда вопрос касается хинди – это общий враг, и тогда они вместе.

Только два процента людей понимают английский язык. Тем не менее, я предлагаю Индии признать тридцать языков национальными и один – международным. Английский должен стать международным языком, потому что никто не будет против него, это ни для кого не родной язык. Никто не будет и за него, люди нейтрально к нему относятся. И если их язык будет также признан национальным, тогда на территории, где говорят на этом языке, будут без проблем продолжать развиваться своя литература, своя поэзия, своя драматургия. Кроме этого, других решений нет.

Английскому должны обучать с самого начала, а не на поздних этапах; иначе он всегда будет оставаться поверхностным. И весь мир должен признать один язык. Это просто совпадение, что Британская Империя распространила английский язык, но эта возможность должна быть использована. ООН должна сделать английский язык международным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.